

Санкт-Петербургский государственный университет
Кафедра гражданского процесса

**Правовая природа признания факта
в гражданском и административном судопроизводстве**

Выпускная квалификационная работа
студента 2 курса магистратуры
очно формы обучения
Юрковой Юлии Юрьевны

Научный руководитель:
Старший преподаватель
Петрова Юлия Юрьевна

Санкт-Петербург
2016 год

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Объяснения сторон	5
§1. Правовая природа объяснения сторон в дореволюционной и иностранной литературе.....	5
§2. Советский период.....	20
§3. Проблемы разграничения признания иска и признания факта.....	31
§ 4. Современная литература (после С.В. Курылева).....	36
Глава II. Признание представителя	43
§1. Правовой статус представителя. Полномочия представителя.....	43
§2. Признание факта представителем.....	49
ГЛАВА III. Анализ положений КАС РФ	62
Заключение	67
Список использованной литературы	69

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена весьма актуальной теме в настоящее время, проблеме правомочий представителя стороны осуществлять признание факта. Указанная проблема на протяжении долгого времени является дискуссионной, как с точки зрения отечественной и иностранной доктрины, так и с точки зрения подходов законодателя.

Долгое время законодательство, в частности АПК РФ и ГПК РФ, не давали прямого ответа на вопрос о том, способен ли представитель признавать факт. В соответствии КАС РФ устанавливаются иные правила в отношении действий, которые может совершать представитель, а именно, ст.56 КАС РФ устанавливает, что «представитель вправе совершать ... все действия, за исключением действий, связанных с получением объяснений и пояснений у самого представляемого лица и привлечением его к участию в осуществлении иных процессуальных прав...». В связи с указанным нововведением возникает вопрос, способно ли указанное нововведение разрешить существующую проблему в отношении того, может ли представитель признавать факт. Как следствие, возникает вопрос о том, является ли нововведением КАС РФ определенной позицией законодателя, которой законодатель будет придерживаться при возможном внесении изменений в ГПК РФ и АПК РФ? Тем самым КАС РФ мог бы окончательно разрешить указанную выше проблему. С другой стороны, данное положение КАС РФ может и не предполагать то или иное решение проблемы, что означает отсутствие разрешения дискуссионного вопроса в КАС РФ, а, как следствие, недопустимости следования иных процессуальных кодексов по его пути.

Для решения вопроса о том, способна ли ст.56 КАС РФ разрешить существующую проблему возможности представителя признавать факты, следует обратиться к теоретическому исследованию данного вопроса.

Во-первых, необходимо исследовать понятие объяснения сторон с исторической и теоретической точек зрения. Выявить, что понималось под объяснениями сторон в различные периоды времени, какие концепции объяснения сторон существовали и существуют в настоящее время.

Во-вторых, необходимо определить то, что представляют собой полномочия представителя, изложить существующие взгляды на возможность представителя признавать факты в контексте признания факта и признания иска, а также показать в каком виде существовала проблема объяснений представителя до принятия КАС РФ.

В-третьих, на основании изложенного понимания объяснений стороны, возможностей представителя признавать факты объяснения, следует ответить на вопрос о том, позволяют ли положения КАС РФ представителю совершать признание факта?

ГЛАВА I. ОБЪЯСНЕНИЯ СТОРОН

§1. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОБЪЯСНЕНИЙ СТОРОН В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

История понятия «объяснений сторон» является не слишком объемной для отечественной литературы и законодателя. Так, дореволюционное регулирование в этой части было весьма скудным. По утверждению И.Р. Медведева согласно Уложению гражданского судопроизводства (Далее- УГС «объяснения сторон в их современном понимании ничего не доказывали: отдельной регламентации удостоились утверждения, даваемые под присягой в силу предварительного соглашения разрешить дело таким образом, и признания в пользу противника. Это был формальный элемент в доказательственной системе, поскольку данные средства доказывания считались аналогами сделок»¹. Это означает, что дореволюционное законодательство не придавало самостоятельное значение объяснениям сторон. Вопрос относительно признания, в том числе его роли и статуса в дореволюционном законодательстве, будет рассмотрен отдельно в связи со спецификой соответствующего вида объяснений сторон.

Следует подробнее исследовать правовую природу объяснения сторон. Дореволюционная литература уделяла большее внимание признанию стороны, практически не исследуя вопрос о возможности существования иной формы объяснений. В дореволюционной литературе предметом активной дискуссии был вопрос о том, является ли признание факта доказательством.

Так, А. Загоровский указывал, что признание является распорядительным актом участвующей в деле стороны, которым она

---

¹ Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.16

признает перед судом во время производства дела существование спорного в процессе факта, служащего к утверждению прав ее противника. А. Загоровский выводит возможность признания из свободы распоряжения своим имуществом, отчуждения, уступки другим, отречения от права на него, то есть с точки зрения системы принципов гражданского процесса из диспозитивности, который в свою очередь основывается на материально-правовой диспозитивности. Основываясь на возможности признания из материально-правовой свободы, А. Загоровский делает заключение о том, что признание может быть осуществлено только лицом, имеющим право распоряжаться своим имуществом. В свою очередь правовым эффектом признания А. Загоровский видит освобождение от дальнейшего доказывания, то есть признанное обстоятельство не требует проверки другими доказательствами². Соответствующие тезисы оспаривались в последующей литературе.

Противоположную позицию в дореволюционной литературе занимал К.Н. Анненков, который относил признание факта только к доказательствам, указывая, что признание является наилучшим способом доказательств, поскольку именно стороны наиболее осведомлены об обстоятельствах, подлежащих установлению³. С точки зрения К.Н. Анненкова, объяснения стороны, которыми утверждается существование таких фактов, которые служат основанием требований противной стороны, должны приниматься без сомнения и заслуживать повышенного доверия. К.Н. Анненков выделяет определенные признаки признания как доказательства. Во-первых, признание как доказательство может относиться только к фактам спора, фактам, которые

---

²– Загоровский А. Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных и судебных учреждениях. Одесса. , 1882. С.191-195

³– Анненков К.Н. – Система русского гражданского права. Том I , Санкт-Петербург,1889. С.74-75

могут влечь юридические последствия, но никак не к праву. Следует согласиться с данным утверждением, поскольку, если мы называем признание факта доказательством, то доказательство, безусловно, является носителем («отражателем») определенной информации о фактических обстоятельствах, однако не о самих правах. С другой стороны, надо полагать, что соответствующие фактические обстоятельства позволяют сделать суду иногда достаточно прямой и очевидный вывод о существовании права. Во-вторых, К.Н. Анненков указывает, что объяснение стороны только тогда имеет значение признания как доказательства, когда им утверждается существование такого факта, юридические последствия которого должны доказать вредное влияние на интересы признающей стороны в процессе и вместе с тем должны служить в пользу противоположной стороны. Следует обратить внимание, что К.Н. Анненков, также, как и А. Загоровский выделял данный признак (в общем своем виде) признания. Однако, если А. Загоровский указывает более-менее точные юридические предпосылки соответствующего признания, а именно «факты, требующие установления другой стороной», то К.Н. Анненков приводит достаточно широкое определение, определяя данные факты, как «основания требования стороны».

Известный дореволюционный правовед А.Х. Гольмстен видит сущность признание факта в наличии волеизъявления стороны и воспринимает признание факта как одностороннюю процессуальную сделку⁴. Определяя признание факта, А.Х. Гольмстен пишет, что «под признанием следует понимать подтверждение стороною фактов, ей вредящих, в свою очередь судебное признание есть подтверждение стороною фактов, приводимых противником перед компетентным судом при производстве того дела, которого касается признание». Анализируя это

---

⁴ Гольмстен А.Х., Учебник русского гражданского судопроизводства, 1907, с.100-120

определение Гольмстен выделяет следующие признаки судебного признания факта:

- 1) Признание должно быть сделано перед судом, то есть сторона своим признанием должна обратиться к суду (письменно или устно);
- 2) Признание должно быть сделано перед компетентным судом;
- 3) Признание должно быть сделано во время производства по делу, которого касается.

В свою очередь сила судебного признания по А.Х. Гольмстену заключается в двух аспектах:

- 1) Признанный факт находится вне всякого спора и исключает необходимость иного констатирования. Суд должен исходить только из признания (при его наличии), к какому бы выводу суд не пришел при оценке иных доказательств.
- 2) Прочность самого судебного признания, что в частности выражается в том, что судебное признание не подлежит опровержению (по общему правилу) и не может быть взято назад

Е.В. Васьковский, исходя из действующего в тот период законодательства, указывал, что правовая природа признания факта носит двойственный характер. С одной стороны, показание тяжущимся в пользу противника невыгодного для себя факта должно рассматриваться как достоверное доказательство истинности этого факта, то есть засвидетельствование истины. С точки зрения Е.В. Васьковского доказательственная сила такого признания основывается на том, что тяжущаяся сторона не будет говорить неправду в ущерб своим интересам. С другой стороны, по мнению Е.В. Васьковского, тяжущаяся сторона могла признать факт не потому, что он имел место в действительности, а потому, что не желает сделать его предметом судебного исследования. В таком случае признание делается независимо от убеждения стороны в правоте противника и является уже не свидетельствованием истины, а выражением желания

сделать данное обстоятельство бесспорным и тем самым избавить противную сторону от бремени доказывания. В таком случае признание факта представляет собой волеизъявление, акт распоряжения. Важно отметить, что здесь доказательственная сила признания будет основываться на принципе диспозитивности, а признание стороны должно быть в таком случае обязательно для суда.

Исследуя работы Е.В. Васьковского, в действительности же можно сделать вывод о том, что двойственная природа признания означает возможность выбора той или иной теории, что не означает сосуществования соответствующих концепций в одном правопорядке. При этом известный процессуалист указывает, что схожими обстоятельствами для признания факта как доказательства и признания факта как распорядительного акта является то, что для соответствующих действий необходима процессуальная правоспособность, в свою очередь, если признание является распорядительным актом для осуществления соответствующего признания требуется также и право на распоряжение объектом процесса.

Выбор той или иной правовой природы признания с точки зрения Е.В. Васьковского влияет и на последствия признания факта⁵. Если признание факта является доказательством, то такое признание может иметь силу, когда соответствует истине, а значит сторона, сделавшая признание, вправе опровергать его, ссылаясь на то, что оно не соответствует действительности. Кроме того, суд может придать доказательственную силу признанию только в том случае, если это не противоречит установленным доказательством, то есть суд оценивает признание в совокупности с другими доказательствами. В свою очередь, если понимать под признанием распорядительный акт, то такой акт можно оспаривать на основании пороков воли.

---

⁵– Васьковский Е.В., Сборник статей по гражданскому и торговому праву памяти профессора Шершеневича /М.М. Агарков, С.А. Беляцкий, Е.В. Васьковский, М., 1915, с.53

В дореволюционной литературе отсутствовало принципиальное разграничение признания иска и признания факта. Так, Е.В. Васьковский определяет признание как «показание тяжущегося в пользу противной стороны»⁶. Т.М. Яблочков указывает на то, что признание «есть чисто процессуальное действие, дающее материал для судебного решения, и по своему содержанию есть подтверждение действительности обстоятельства, доказательство которого лежало на противнике»⁷. Данная позиция дореволюционных авторов подверглась критике в советское время.

В отношении признания факта, существовали различные точки зрения. В этих целях (целях изучения указанного исторического понимания признания) воспользуемся наиболее значительным трудом, который посвящен проблеме объеме объяснен сторон, в современной юридической науке, трудом И.Р. Медведева.

Понимание признания факта как распоряжения своими корнями уходит в историю. И.Р. Медведев, анализируя историю соответствующего института, указывает, что «на протяжении столетий признание во множестве государств пользовалось исключительным, полным доверием как разработчиков процессуального законодательства, так и судей. Сделанное по собственной инициативе, по прямому предписанию закона, оно указывало суду на кратчайший путь к истине ... Долгое время это происходило ввиду государств следственной формы процесса и системы формальных доказательств, где признание рассматривалось как лучшее, совершенное средство доказывания или даже «царица» доказательств, дающее высшую степень уверенности в существовании события»⁸.

---

⁶ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 1917. С. 243

⁷ Яблочков Т.М. Субъекты судебного признания // Вестн. граждан. права, 1915. №2. С. 70

⁸ Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.142

Однако, как верно отмечает И.Р. Медведев, «состязание сторон при пассивной роли суда в доказывании» также не повлекло изменений в понимании роли признания. «Многие процессуалисты полагали, что, поскольку свободе и инициативе истца и ответчика дан приоритет, они несут ответственность за свои объяснения и действия и твердо ими связаны». Так, К.А. Гессе указывал, что «роль признания в процессе основана на психологии и принципах жизненного опыта. Раз мы думаем, что никакой благоразумный человек не сделает заявление о ложном себе в убыток в обычной жизни, аналогичного поведения ожидают от него и в суде»⁹.

И.Р. Медведев, оценивая указанную позицию, соглашается с тем, что «действительно, ситуация, когда сторона, имеющая юридический интерес разрешить дело в свою пользу, самостоятельно дает объяснения, подтверждающие выгодные ее противнику факты, доказывает, что эти факты на самом деле произошли либо, по крайней мере, что лицо в этом уверено (хотя бы в реальности было иначе)»¹⁰.

Некоторые авторы воспринимали идею объяснения как волеизъявления, как «распоряжение» фактами. И.Р. Медведев, указывает, что данная концепция возникла прежде всего применительно к признанию факта, однако возможно рассмотрение распорядительной концепции с точки зрения объяснений сторон в целом¹¹. Соответствующая идея «предполагает конструкцию гражданского судопроизводства на базе «чистой» диспозитивности (термин используется И.Р. Медведевым), когда только от

---

⁹– Hesse C.A. Juristische Probleme. S.5., 12, 22,28-30.

¹⁰Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.143.

¹¹– Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.83-84;

желания признающего зависит изменение или установление права. Стороны управляют судом, чтобы он при рассмотрении обстоятельств дела не выходил за границы их воли, определяют рубежи судебного исследования. Суд в состязание не вмешивается, он лишь разрешает конфликт между ними, исходя из доказательств. Что именно «спорно» - решают сами участники процесса. Некоторые факты они хотят утаить, в отношении других не желают ничего знать».

Даже если сторона дает объяснение в форме утверждения о факте, а именно в свою пользу, то нет гарантий, что данное утверждение соответствует действительности, а значит сторона «распоряжается» действительностью. Однако «распоряжение» фактами в рамках утверждений стороны представляет собой достаточно сомнительную конструкцию. Признание в отношении определенного факта возможно такое понимание, которое предполагает исключение соответствующего факта из «спорного поля» суда. В свою очередь в отношении утверждения соответствующий тезис вызывает сомнения, поскольку объяснения сторон в форме утверждения однозначно являются доказательствами, подлежащими оценке с другими доказательствами. В этом смысле «распоряжение» фактами в случае с утверждением является достаточно условным. Утверждение вместе с признанием другой стороны способны «породить» определенный эффект распоряжения, эффект своеобразного «договора» об обстоятельствах дела, создания фиктивной, «юридической» реальности для целей процесса.

Если объяснение сторон является волеизъявлением, то тогда объяснение сторон включает желание, намерение того, чтобы соответствующие обстоятельства/факты в утверждаемом стороной «образе» были исследованы судом, а как следствие именно на основании такой правовой реальности было принято судебное решение. В опровержение соответствующей идеи И.Р. Медведев приводит позицию Р. Поллака, который считает, что процессуальная действительность не ставится в зависимость от

воли лица, поскольку имеет место не волеизъявление, а заявление о знании, сообщение о факте. Как следствие, делает вывод Р. Поллак, для принятия утверждения (признания) должно быть совпадение не между волей и объяснением, а между объяснением и действительностью. С одной стороны, можно согласиться с аргументацией Р.Поллака, поскольку действительно при совершении утверждения одной стороной суд оценивает «утверждаемые»/«отражаемые» соответствующим доказательством факты. С другой же стороны, суд принимает (принимает в качестве доказательства, подлежащего оценке)) утверждение независимо от указанного соответствия (утверждения действительности), а уже после принятия утверждения как доказательства, оценивает его в совокупности с иными доказательствами. В этой связи аргументация Р. Поллака не является совершенной¹².

Иным аргументом, которым зачастую обосновывалась «безграничная сила» признания - это то, что «признающийся может верить в то, что факт не имеет значения для дела, поэтому не желает затягивать процесс ненужными спорами; также ему может быть опасно или неприятно ставить на рассмотрение суда некоторые обстоятельства, которые он желает скрыть». Также И.Р. Медведев указывает, что в пользу такой позиции могло бы «сыграть» то, что возможность разрешения спорных вопросов на основании признания является наиболее удобным как для суда, так и для иных участников процесса¹³.

Первым аргументом И.Р. Медведева против соответствующей концепции является то, что, если понимать признание факта как полноценное доказательство, то выводы суда относительно признанных фактов носят

---

¹²– Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.84, Ссылка: Pollak R. Das gerichtliche Gestandniss im Civilprocess. Berlin, 1893. S 39-59.

¹³– Медведев И.Р., там же, С.144.

характер вероятности, а тогда в выполнение указанных задач будет внесен элемент случайности. В качестве контраргумента можно привести следующий тезис: в условиях состязательного процесса невозможно достижение объективной истины, а значит любое «знание» суда является вероятностным¹⁴.

Германские процессуалисты соответствующее решение объясняют тем, что «законодатель использует юридическую фикцию», которая позволяет утверждать, что признание действительно, поскольку стороны посчитали его таковым для конкретного процесса, что, как следствие делает судебное решение, основанное на таком признании, формально истинным¹⁵.

В литературе существует, которая предполагает отступление от доказательственной концепции признания и утверждая, что признание является своеобразной «сделкой»¹⁶. В рамках соответствующей концепции Ф.К. фон Савиньи и Б. Виндшейд пришли к выводу о том, что признание включает в себя волевой элемент, который основывается на материально-правовой природе признания, что привело к рассмотрению признания как процессуальной сделки, посредством которой сторона распоряжается своими правами¹⁷. Например, Й. Труттер исходил из того, что процессуальные права есть логическое продолжение прав материальных. В этом смысле реализация процессуальных прав есть реализация явления материальной диспозитивности¹⁸. Соответственно, совершая распорядительные

14[□]– Медведев И.Р., там же, С.144-145.

15[□]– von Bethmann-Hollweg M.A. Versuche uber einzeine Theile der Theorie des Civilprozesses. S.251-253, 257-258; Bulow O. Das Gestandnissrecht. S. 226; Langenbeck W. S. 119; Von Saviny F.C. System... B. VII. Berlin, 1848. S. 11, 27, 41 (перевод И.Р. Медведева, Там же).

16[□]Медведев И.Р., там же, С.147.

17[□]- Von Saviny F.C. System... B. VII. Berlin, 1848. S. 127-138; Windscheid B. Lehrbruch des Pandektenrechts 6 Aufl. B.1 Frankfurt f. V., 1887. S. 176-201. (перевод И.Р. Медведева, там же)

18[□]– Trutter J. Ueber prozessualiche Rechtsgeschafte. Civilprozessuale Studie. Munchen, 1890

волеизъявления вне процесса, то же самое оно может делать при его возникновении, став стороной судебного разбирательства. Аналогичную позицию в отношении признания высказывал, например, Т.М. Яблочков, акцентируя внимание на том, что стороны самостоятельно способны решать вопрос о возможности распоряжение своими правами¹⁹.

Исходя из этой концепции процесс можно охарактеризовать так: суд остается в стороне, а процесс основывается на концепции «чистой диспозитивности».

Существовала точка зрения о том, что признание представляет собой «суррогат доказательства». С точки зрения соответствующей идеи заявление о признании представляет собой квазидоговор, который позволяет признать факт бесспорным²⁰. И.Р. Медведев обоснованно критикует указанную позицию, полагая, что «суррогат – это заменитель чего-либо натурального, подлинного, в данном случае заменитель иных «настоящих» доказательств²¹. Но признание факта само по себе является доказательством». В этом смысле следует согласиться с тем, что, если признание факта является доказательством и оценивается судом, то невозможно говорить о том, что данное признание является «суррогатом доказательства».

Следует отметить правильный тезис И.Р. Медведева о том, что большинство концепций, которые были разработаны применительно к признанию, имели ввиду либо признание иска, либо единый институт признания, пороки которого были раскрыты выше.

---

¹⁹– Яблочков Т.М. К учению о принципе диспозитивности в гражданском процессе// Памяти А.В. Завадского: Сб. статей по гражданскому и торговому праву и гражданскому процессу. Казань, 1917. С. 34-63.

²⁰– Гамбаров Ю.С. Гражданский процесс. Лекции. М.,1896, С.54; Исаченко В.Л. Гражданский процесс. Практический комментарий на вторую книгу УГС. 2-е изд. Т.2 СПб., 1910. С.682-683. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. 2-е изд. Т.1. СПб., 1876. С.302

²¹– Медведев И.Р., там же, С.148.

Многие авторы, как отечественные, так и иностранные обращали внимание на понимание признания как односторонней сделки²². Некоторые авторы указывают на договорную теорию признания²³. Например, указывается, что «признание представляет собой двусторонний волевой акт: договор между сторонами, которым устанавливается фикция правды по поводу какого-либо обстоятельства»²⁴. Согласно соответствующей концепции необходимо, чтобы было утверждение одной стороны и признание соответствующего факта другой стороной.

И.Р. Медведев не соглашается с такой позицией, указывая, что в указанном случае суд признание не проверяет, «это не доказательство, а волеизъявление, направленное на изменение прав и обязанностей сторон». И.Р. Медведев исходит из того, что признание факта является доказательством, что, по мнению И.Р. Медведева, означает отсутствие договорной (волевой) природы признания факта. И.Р. Медведев полагает, что «при свободной оценке доказательств вообще нельзя связывать суд каким-либо договором между сторонами или односторонними сделками. Сила средства доказывания не варьируется в зависимости от волеизъявления сторон, а определяется судом». Как видно, указанный тезис И.Р. Медведева основывается на том, что признание есть доказательства, на основании чего

22[□] – Kohler I. Prozesshandlungen mit Civilchtwirkung // ZfdC. В.29 S.1-4, 34-39, 44-45; Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 1917. С. 243; 40 – Гольмстен А.Х., Учебник русского гражданского судопроизводства, 1907, с.100-120; Заговорский А. Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных и судебных учреждениях. Одесса, 1892. С.194. Также см. современных авторов по данной проблеме: Веденеев Е.Ю. Доказывание в арбитражном процессе РФ: проблемы теории и практики (на примере доказывания в спорах по имущественному страхованию): Дис. ...канд. Юрид. Наук. М., 1999. С.105-107, 171; Лукьянова И.Н. Доказательства в арбитражном процессе. С. 189-194

23[□]– Например, Lanhenbeck W Die Beweisführung in burgerlichen Rechtsstreitigkeiten. В.1. S. 115, 119, 132-141.

24[□]- Медведев И.Р., там же, С.151.

делаются выводы об отношении суда к соответствующему институту. Но сам факт того, что признание есть доказательство, И.Р. Медведевым не доказывается²⁵.

«Данная концепция (волевая концепция) на признание факта как доказательство распространена быть не может, поскольку оно по своей природе не рассчитано на изменение прав или обязанностей», - пишет И.Р. Медведев²⁶. Приведенный тезис является «наглядной демонстрацией» того, что И.Р. Медведев пытается волевою концепцию применить к признанию как доказательству. Однако, это оказывается затруднительно, поскольку понимание признания в качестве волевого действия имеет иную природу.

В дальнейшем И.Р. Медведев приводит в качестве аргумента то, что, если признание есть договор, «то его нужно рассматривать как любой договор, который подлежит проверке суда»²⁷. В контексте волевой концепции признание как договор является сделкой процессуальной, что означает невозможность оценки соответствующего договора как доказательства в отношении фактов, которые являются предметом распоряжения. Данный вывод основан на том, что процессуальная сделка предполагает то, что в качестве предмета ее «свидетельствования» является сам факт распоряжения, но не факты, являющиеся предметом распоряжения.

Некоторыми германскими авторами была предложена концепция «отказа от права», согласно которой лиц может отказаться от возможности защищаться в силу принципа состязательности, что должно влечь для суда принятие позиции другой стороны в качестве формальной истины²⁸.

---

²⁵ - Медведев И.Р., там же, С.152.

²⁶ Медведев И.Р., там же, С.152.

²⁷ Медведев И.Р., там же, С.152.

²⁸ - Wach A. Das Gestadnib. S.225-230, 246-254.

Данная концепция предполагала возможность суда принять противоположную позицию в силу того, что признающийся «отказывался» от защиты, хотя обязан перед другой стороной доказывать свою позицию.

Опровергая данную идею, Т.М. Яблочков указывал, что соответствующая концепция (наличие прав и обязанностей сторон по отношению друг к другу) «не соответствует публично правовой природе отношений суда к тяжущимся»²⁹. Кроме того, следует согласиться с тезисом И.Р. Медведева, который полагает, что признание зачастую выражено именно положительным образом³⁰.

Таким образом, распорядительная теория признания предполагает полноценное «господство» принципа диспозитивности и возможность сторон представить факты в процесс по своему усмотрению и разумению, за исключением фактов объективно невозможных³¹.

Применимость данной концепции будет оценена ниже при исследовании возможности представителя давать объяснения.

Как уже было показано, дореволюционные отечественные авторы, а также иностранные авторы, выделявшие признание фактов, давали определенную характеристику признания факта.

Следует отметить, что невыгодность/выгодность для лица, сообщающего факты выделяется в качестве разграничительной черты признания и утверждения не только отечественными учеными, но и зарубежными³².

---

²⁹ – Яблочков Т.М. Пределы опровержимости судебного признания в гражданском процессе // Журнал Министерства Юстиции, 1916, №4 С.131, 144, 147

³⁰ – Медведев И.Р., там же, С.157.

³¹ – Медведев И.Р., там же, С.160.

Не соглашаясь с указанным разделением, И.Р. Медведев приводит позицию К. Шнейдера, согласно которой «Признание и утверждение не являются настолько противоположными друг другу, в утверждениях также может содержаться невыгодное обстоятельство, которое может быть реализовано в качестве признания противником»³³. Эта позиция обосновывается тем, что невыгодность как существенный признак признания является ошибочным, так как невыгодность определяется лишь при вынесении решения, когда круг рассмотренных фактов и доказательств, их подтверждающих, будет окончательно определен³⁴.

§2. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В советской юридической литературе, посвященной объяснениям сторон, изначально также основное внимание уделялось лишь признанию факта.

Как пишет С.В. Курылев, анализируя взгляды в советской литературе, под объяснениями сторон в качестве доказательства понимается прежде всего признание. Соответствующий вывод делается С.В. Курылевым в связи с тем,

---

32[□]– Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.100; Bulow O. Das Gestandnissrecht. S.194\$ Von Bayer H. Vortage... S.691,692, 704 и др

33[□]–Schneider K. Ueber richterliche Ermittlung... S. 48

34[□]– Laurent F. Principes de droit civil francais . Vol. XX. Paris, 1886. P 189; Малинин М.И. Судебное признаие в гражданских делах // Записки Императорского Новороссийского Университетат. Т.ХХII (докторская диссертация) Одесса, 1877, С.8-11

что действующее на тот момент законодательство напрямую не указывало на понимание объяснений сторон в качестве доказательства³⁵. Это позволяет утверждать, что С.В. Курылев поднимает новую для отечественной дискуссии, проблему возможности выделения утверждения в рамках объяснения сторон.

В свою очередь, соответствующие выводы делались на основании толкования иных норм процессуальных законов. Однако, некоторые ученые, например, Гершенов отказывался признавать за объяснениями сторон, в целом, статус доказательства, придавая соответствующий статус лишь признанию³⁶. Иные ученые, например, К.С. Юдельсон, С.Н. Абрамов, хотя и указывают на общий характер объяснения сторон, при ближайшем рассмотрении соответствующих работ имели ввиду прежде всего признание, которое понималось как обстоятельство, делающее ненужным процесс доказывания^{37 38}.

Несмотря на то, что статус объяснений сторон как доказательства в советском процессе мог выведен из иных норм ГПК, которые указывали на право суда проводить опрос сторон, возможность вызова истца или ответчика для личных объяснений, перечень доказательств давал повод для иных рассуждений. Некоторые авторы утверждали, что отсутствие в перечне доказательств объяснений сторон есть свидетельство особенностей советского процесса³⁹. Другие авторы указывали, что объяснения сторон, как

35[□] – С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С. 52

36[□]–Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук / Под ред. И.Т. Голякова. М., 1940. С. 382 (выступление Гершенова);

37[□]– Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951. С. 107, 192, 199-200

38[□]– Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс : учебник для юрид. школ. М., 1952. С. 199.

39[□]– Рындзюнский Г. Техника гражданского процесса. М., 1924. С. 90–92; Николаев С. «Признание» как судебное доказательство в гражданском процессе // ЕСЮ. 1929. №36. С. 846 – 847; Ратнер М. Значение признания в гражданском процессе // ЕСЮ. 1929. №40. С.

правило, не являются доказательствами, однако в некоторых ситуациях, когда суд установит правильность соответствующих объяснений, то тогда следует считать это доказательствами⁴⁰. Однако такая позиция является сомнительной с точки зрения того, что нельзя признавать или не признавать доказательством по итогам процесса.

В советское время продолжает обсуждаться поставленная еще в дореволюционной литературе проблема правовой природы признания.

Под признанием понимается такое «сообщение стороны об имеющих значение для дела фактах, которое идет во вред ее процессуальным интересам, т.е. которое может послужить основанием для вынесения решения не в пользу дающей такое показание стороны».

«Сообщение стороны, которое соответствует ее процессуальным интересам, которое направлено на вынесение решения в ее пользу» является утверждением (С.В. Курылев). Кроме того, с позиции С.В. Курылева, к утверждениям следует также отнести такие показания, которые безразличны для процессуальных интересов сторон, предлагая отнести эти показания не к свидетельским показаниям, а к утверждениям сторон, поскольку они имеют один и тот же источник (сторону), а также имеют одинаковые особенности процессуальные формы, что суд должен учитывать. Хотя соответствующий тезис может быть достаточно спорным с точки зрения относимости указанных утверждений к делу⁴¹.

Советская процессуальная доктрина осталась в русле вышеизложенной дискуссии. Например, Н.Б. Зейдер, продолжая логику рассуждения Е.В. Васьковского, определял признание как «показание тяжущегося в пользу

938-939.

40[□]– Рындзюнский Г. Техника гражданского процесса. М., 1924. С. 90–92; Николаев С. «Признание» как судебное доказательство в гражданском процессе // ЕСЮ. 1929. №36. С. 846 – 847; Ратнер М. Значение признания в гражданском процессе // ЕСЮ. 1929. №40. С. 938-939.

41[□] - С.В. Курылев. Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С. 99

противной стороны⁴². Другие процессуалисты, продолжая идею Т.М. Яблочкова, настаивали на том, что признание – это «показание стороны, подтверждающее какое-либо обстоятельство или правоотношение, доказывание которого лежит на другой стороне», например, М.А. Гурвич⁴³.

В обоснование обратной точки зрения следует отметить разработки С.В. Курылёва, которые имеют колоссальное значение, как для теории объяснений сторон, так и для всего доказательственного права в целом. Однако С.В. Курылёв был не первым, кто указывал на то, что объяснения сторон являются доказательством в гражданском процессе⁴⁴.

С.В. Курылев отмечает, что в качестве доказательств может рассматриваться не всё то, что говорят стороны в процессе, а лишь та часть их объяснений, в которой они сообщают суду известные им сведения о фактах, имеющих юридическое или доказательственное значение⁴⁵. С такой позицией С.В. Курылева нельзя не согласиться, поскольку доказательства представляют собой явление, которое тем или иным образом отражают факты.

42[□]- Зейдер Н.Б. Юридическая природа признания в советском гражданском процессе // Вестн. сов. юстиции, 1926. № 11. С. 428. С.В. Курылев также ссылается на следующую работу - Полумордвинов Д.И. Признание стороны в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1940. С. 126.

43[□]- Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950. С. 118; Гражданский процесс : учебник для юрид. вузов / Под ред. С.Н. Абрамова. М., 1948. С. 208; Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951. С. 207 и др.

44[□]Аксельрод С.С. Основные вопросы оценки доказательств судом первой инстанции в советском гражданском процессе: Дис. ... канд. Юрид. Наук. М., 1951. С.64, 335, 412;; Егоров Л. Признание как судебное доказательствов гражданско процессе // ЕСЮ. 1929 №13. С. 288-289; Ельевич М. К разработке ГПК СССР // СЮ. 1939 №23-24. С.14-15; Карпик В.С. Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе – важное орудие в отправлении социалистического правосудия: Дис. ... канд. Юрид. Наук. Л. , 1953. С.5-8, 12-16, 3-56;; Клейнман А.Ф, Основные институты советского гражданского процесса и принципы диспозитивности и состязательности: Дис. ... д-ра юрид. Наук. М., 1940-1941. С. 230, 234).

45[□]- С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С. 64;

Теория отражения нашла своё подтверждение в работах многих авторов, например, в работах А.И. Трусова и И.И. Мухина, а также С.В. Курылева⁴⁶. Соответствующая теория предполагает, что суд познает факты объективной действительности не непосредственно, а опосредованно через доказательства, которые отражают факты объективной реальности, познаваемые судом.

Как следствие, в связи с тем, что доводы, правовые позиции и т.д. не есть сообщения о фактах, а именно не есть то, что «отразилось» в сознании человека, то соответствующая информация не может признаваться доказательством. Соответствующие доводы и правовые позиции есть результат логического, мыслительного процесса.

Лишь сведения о фактах, являются результатом отражения фактов, имеющих юридическое или доказательственное значение по делу. В этом смысле, следует обратить внимание на подход к разрешению проблемы С.В. Курылевым, его исследования в области процесса отражения соответствующих фактов в сознании сторон. Так, с точки зрения С.В. Курылева, показанию сторон о фактах (воспроизведение имеющегося в психике образа факта) предшествует явление восприятия сообщаемого факта

46[□]46 - С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С. 262. Несмотря на то, что сейчас соответствующая идея кажется общепризнанной, ранее соответствующая теория оспаривалась, например, А.Я. Вышинским и М.А. Чельцовым. Соответствующие подходы к теории отражения применительно к доказательствам были поддержаны в теории уголовного процесса, так аналогичные позицию высказывал Ф.Н. Фаткуллин, критикуя позицию В.З. Лукашевича. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве, 3-е изд. М.: Госюриздат, 1950. С. 223; Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1962. С. Теория доказательств в советском уголовном процессе, 2-е изд. М.: Юрид. лит., 1973. С. 207. Фаткуллин; Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: КГУ, 1976. С. 113-114; Лукашевич В.З.0 понятия доказательства в советском уголовном процессе // Правоведение, 1963.№ 1. С. 114-118. 118; Юдельсон К.С, Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе. М., 1956, С.12-130; Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.56; Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2004. С. 157 – 159.

и явление сохранения его в сознании лица, являющегося стороной. Проводя сравнение между показаниями сторон и показаниями свидетелей, С.В. Курылев видит их разграничение в том, что, во-первых, стороны заинтересованы в исходе дела, а, во-вторых, для сторон соответствующие факты имеют большую значимость. В подтверждение своего второго тезиса С.В. Курылев ссылается на исследования в области психологии, сделанные С.Л. Рубинштейном, которые указывают на то, что интересы и чувства оказывают влияние на восприятие и внимание⁴⁷. Однако следует не согласиться с тем, что объяснения сторон являются более отчетливыми только потому, что стороны воспринимают чаще всего свои собственные действия, а не действия других лиц. Несмотря на то, что С.В. Курылев не акцентирует внимание на данном тезисе, а предлагает данный тезис, как один из многих, представляется, что данный тезис подлежит более внимательному анализу, поскольку он есть отражение «узкой» концепции объяснения сторон.

С.В. Курылев в соответствующей части делает ссылку на то, что лицо имеет специфическое психическое отношение к своим действиям (вина). С.В. Курылев указывает: «Одно дело – видеть, как какое-либо лицо наносит другому лицу или его имуществу повреждения, другое дело – быть самому причинителем вреда или потерпевшим». Однако, если лицо является потерпевшим и дает показания относительно нанесения вреда его имуществу другим лицом, то оно воспринимает действия другого лица, которые затрагивают интерес потерпевшего. Соответственно, следует сделать вывод, что имеет значение значимость для лица тех или иных фактов, однако не имеет значение, совершает ли лицо действия самостоятельно (по крайней мере в случае значимости для лица тех или иных действий лицо воспринимает их «качественнее», чем лицо, относящееся безразлично к соответствующим фактам), что и подчеркивает С.В. Курылев, указывая на то,

---

47[□]- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 242, 244, 253, 296, 307, 442, 446. С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С. 75.

что сторона, дающая показания в отношении действий третьих лиц, не становится свидетелем.

С другой стороны, показания сторон не ограничиваются лишь восприятием (также имеет значение сохранение в памяти и воспроизведение фактов) тех или иных фактов, в свою очередь значимость воспринятых фактов аналогичным образом влияет и на процесс сохранения воспринятого. В связи с обсуждаемой проблемой нельзя не процитировать С.В. Курылева: «Будет естественно, если присутствовавшие при заключении договора свидетели смогут запомнить лишь факт заключения договора, но забыть все остальное – сумму, срок, условия; наоборот, неправдоподобно, чтобы это же самое произошло со сторонами договора»⁴⁸.

Последней стадией процесса показаний является воспроизведение соответствующих показаний. В этот момент, по утверждению С.В. Курылева, важную роль играет значимость для лица не самого факта, а данного процесса, определенное ожидание и результат, значимость соответствующего процесса, что может исказить показания стороны⁴⁹.

Таким образом, не вдаваясь в более подробный анализ, следует согласиться с выводом С.В. Курылева о том, что показания сторон обладают спецификой, связанной с тем, что стороны, во-первых, заинтересованы в исходе дела, во-вторых, непосредственно воспринимали факты, в условиях значимости соответствующих фактов. В качестве контраргумента данному тезису можно привести то, что тот или иной факт был психически индифферентен стороне в момент его восприятия, например, ввиду ее юридической неграмотности или ввиду отсутствия предположения о споре

---

⁴⁸ - С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С. 76

⁴⁹ - С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С. 77

относительно соответствующих обстоятельств. В данной связи имеет значение прежде всего отношение к исходу делу в момент воспроизведения соответствующих показаний.

Данная позиция представляется собой один из ключевых тезисов настоящей работы, с которым следует согласиться. Однако проверка данного тезиса с точки зрения возможности представителя давать объяснения будет дана в третьей главе.

Аналогичную позицию в отношении особенностей объяснений сторон, которые заключаются в том, что данное доказательство «исходит» от субъекта, заинтересованного в исходе дела, высказывали А.Ф. Клейнман и М.К. Треушников. Так, А.Ф. Клейнман указывал, что «объяснения истца, ответчика и участвующих в деле третьих являются одним из видов доказательств, своеобразие которых заключается в том, что показания даются суду лицами, заинтересованными в исходе дела». Однако данное обстоятельство, с точки зрения А.Ф. Клейнмана, не лишает соответствующие доказательства доказательной силы, это требует только более тщательной проверки такого доказательства и сопоставления с другими материалами дела. Таким образом, А.Ф. Клейнман указал на возможную специфику, связанную с оценкой доказательств.

Хотя, вероятно, указанное утверждение А.Ф. Клейнмана следует толковать как исключительно практическое, поскольку далее А.Ф. Клейнман со ссылкой на Постановление Пленума Верховного суда СССР от 27 декабря 1946 г. по делу Калинина указывал, что «объяснения сторон являются одним из видов доказательств, подлежащих исследованию на равных основаниях с другими доказательствами по делу.

Закон не ограничивает доказательной силы объяснений сторон какими-либо особыми условиями...»⁵⁰.

---

⁵⁰ - Треушников М.К. Судебные доказательства. 4-е изд., перераб. И доп. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2005. С. 167-175; Клейнман А.Ф., Основные вопросы

В рамках соответствующих соображений А.Ф. Клейнман критиковал, как уже указывалось, достаточно распространенную позицию о том, что объяснения сторон в советском гражданском процессе «не носят, как правило, характера доказательств».

Схожую позицию занимал К.С. Юдельсон, указывая на то, что «в сторонах сочетаются субъекты процесса и источники сведений о фактах спорного правоотношения»⁵¹. Однако К.С. Юдельсон, как и А.Ф. Клейнман, обращал внимание на то, что стороны не несут ответственности за дачу ложных показаний, в отличие от свидетелей. Таким образом, К.С. Юдельсон также предлагал подвергать объяснения стороной достаточно тщательной проверке.

Соглашаясь с позицией К.С. Юдельсона, М.К. Треушников выделял следующие особенности объяснения сторон как доказательства:

1) «Стороны являются одновременно и лицами, участвующими в деле, от действий которых зависит возникновение, развитие и окончание процесса, и источниками доказательств», а также юридические заинтересованные в исходе, и источниками доказательств. На основании этого М.К. Треушников сделал вывод, что в объяснениях сторон необходимо выделять как требования распорядительного характера, так и сообщения о фактах.

2) Сообщение сведений о фактах можно рассматривать одновременно как право, и как ее обязанность. Соответствующий тезис М.К. Треушникова можно обосновать, например, тем, что, когда сторона предоставляет сообщение о фактах, то тем самым сторона

теории доказательств в советском гражданском процессе. Издательство Академии Наук СССР, М. 1950. С.59-64

⁵¹ - Юдельсон К.С. Судебные доказательства в гражданском процессе. - М., 1956г. С.129-132

представляет доказательства, в отношении которых также действуют правилам об истребовании доказательств.

3) Источником доказательства (объяснений) может быть только такой субъект, который является участником спорных материальных правоотношений, а также непосредственно воспринимал указанный факт. Указание на непосредственное восприятие факта является следствием того, что показания сторон именно потому имеют значение, поскольку они лучше знают обстоятельства дела, так как «участвовали», были непосредственными «свидетелями» и «участниками» спорных фактов.

С.В. Курылев указал, что стороны в гражданском процессе могут пониматься достаточно широко, в том числе потому, что в рамках судебного процесса может быть установлено, что между сторонами отсутствовали материальные правоотношения, однако это не лишает силы объяснения сторон как доказательства. С другой же стороны, по замечанию С.В. Курылева, стороны в гражданском процессе могут пониматься и уже, чем стороны материального правоотношения, поскольку сторонами в процессе являются только стороны материального правоотношения, находящиеся в состоянии спора⁵². В этой части С.В. Курылев, продолжая свою мысль, указывал, что имеет значение прежде всего юридический интерес в исходе дела, который, по нашему мнению, видится в том, что данный субъект является предполагаемым субъектом спорного материального правоотношения, находящегося в состоянии спора.

С.В. Курылева предлагал, чтобы «объяснения сторон» именовались «показаниями сторон». Разделяя эту позицию М.А. Гурвич замечал, что, сравнивая показания сторон и показания свидетелей кажущаяся «игра терминов» скрывает то, что объяснения сторон является более широкой категорией, чем сведения о фактах, которые С.В. Курылев и предлагал

---

⁵² - С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С. 57

назвать «показаниями сторон», что имело цель продемонстрировать различия между «объяснениями сторон» и «показаниями сторон» как категориями общего и частного. Данное понимание также следует из толкования соответствующих терминов, поскольку объяснить – это не значит сообщить какую-либо информацию, а значит разъяснить, истолковать имеющуюся информацию. Схожую позицию занимали многие другие ученые, как отечественного, так и зарубежного права⁵³.

Таким образом, исходя из изложенного, следует сделать вывод о том, что объяснения сторон содержат в себе информацию о фактах и в таком случае выступают доказательства. Соответственно, объяснение сторон, в содержании которого входит «рассказ» о фактах есть доказательство. Подробнее данный тезис будет проанализирован применительно к возможности представителя давать объяснения в третьей главе.

53[□] – Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.92; Также приводятся - Победоносцев К. П. Судебное руководство. СПб., 1872. С.231; Попов Б.В. Распределение доказательств между сторонами в гражданском процессе (критико-догматическое исследование). Харьков, 1905. С. 85, 273-274, 320-321; Яблочков Т.М. Формы «Спора» и «неоспаривания» в гражданском процессе // Юридический Вестник. 1914 кн. 7-8 (3-4). С.129, 133-136; Абрамов С.Н. Судебное рассмотрение гражданско-правовых вопросов: дис.... Канд. Юрид. Наук. М., 1940. С. 39; Апарникова Ц.М. Проверка доказательств судом первой инстанции в советском гражданском процессе: Дис. ... канд. Юрид наук. М., 1958. С. 116-148; Зейдер Н.Б. Юридическая природа признания в гражданском процессе // Вестник советской юстиции. 1926. №11. С. 428; Логинов П.В. [рец] Курылев С.В. Объяснения сторон как доказательство в советском процессе. М., 1956. 187 с. // СГиП. 1958. №9 С.137-139.; Пучинский В.К. Судебное признание в советском гражданском процессе // СГиП. 1954. №1. С. 115.; Полумордвинов Д.И. Признание стороны в гражданском процессе. С. 102-115, 125-126, 133, 141, 150; Треушников М.К. Использование опыта зарубежных социалистических стран в области теории доказательств // Вопросы развития теории гражданского процессуального права / Под ред. С.А. Ивановой, М.К. Треушникова. М., 1981. С. 124; Юдельсон К.С, судебное признание в советском гражданском процессе, С.70-71; Дудников Г.В. Арбитражная процессуальная форма: Дис. ... канд. Юрид наук. Саратов, 2005. С. 170; von Betham M.A. Versuche uber einzelne Theile der Theorie des Civilprozesses. S. 251\$ Bunsen F. Die Parteien im Civilprozesse // ZfdC. 1899. V. 26. S. 215-216; Gesse C.F. Juristische Problee. S. 54-55; von Planck J.J. W. Lehrbuch ... B. 1. Nordlingen, 1887. S.347-354\$ Wach A. Vortrage ...S.217.

§3. ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРИЗНАНИЯ ИСКА И ПРИЗНАНИЯ ФАКТА

С.В. Курылев также обращается к проблеме, которая не имела особого отражения в дореволюционной литературе, а именно проблеме разграничения признания иска и признания факта. Следует согласиться с мнением С.В. Курылева в том, что указанные выше дореволюционные авторы не разграничивают институты признания иска и признания факта⁵⁴. Указанные позиции имеют определенные различия, которые выражаются в том, что признание некоторыми понимается лишь как действие, направленное к выгоде другой стороны, а другими понимается как действие, освобождающее от бремени доказывания.

---

⁵⁴ - С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С. 52, 145-146;

Как верно замечает С.В. Курылев, многие авторы исходили из единства признания иска и признания факта, с чем С.В. Курылев высказывает несогласие. С.В. Курылев полагает, что «признание фактов и признание иска – это самостоятельные институты советского гражданского процесса, отличные друг от друга по предмету, по субъектам, по юридической природе, по юридическим последствиям. Признание факта – это вид показаний стороны о фактах. Предмет признания – факт, субъект, являющийся стороной гражданин, способный по своим физическим и психическим данным правильно воспринимать, сохранять в памяти и воспроизводить воспринятые им факты. По юридической природе признание стороны – судебное доказательство, средство установление истины. Юридические последствия – установление судом на основании признания искомого факта истины, если признание факта будет расценено судом как соответствующее действительности. Признание иска – это юридические факты, процессуальное действие стороны. Предмет его – право, иск в материальном смысле.

Субъект – обладающая гражданской процессуальной дееспособностью сторона процесса, гражданин или юридическое лицо. По юридической природе признание иска – волеизъявление стороны с процессуальными или в отдельных случаях с материальными последствиями волеизъявления, направленное на ликвидацию спора в пользу истца. Признание иска может не иметь вообще никакого доказательственного значения, не давая суду никаких сведений для установления истины. Признание факта стороной – показание стороны о наличии (отсутствии) воспринятого ею факта. Признание иска – заявление стороны о нежелании спорить против иска. Если первое дает возможность суду установить искомый факт, истину, то второе дает право суду ликвидировать процесс, спор. Поэтому признание иска – категория, относящаяся к области действия диспозитивности, признание факта – категория, относящаяся к области действия принципа состязательности...

Таким образом, их чисто внешнее сходство (признак – на пользу противной стороне) не может служить основанием для общего определения признания»⁵⁵.

С.В. Курылев приходит к выводу о том, что признание факта не может иметь двойственной природы в силу принципов объективной истины и состязательности советского гражданского процесса. «Принципиально недопустимо в советском гражданском процессе рассмотрение признания факта в качестве акта распоряжения». Распорядиться фактами путем признания значит признать отсутствие факта, который в действительности существовал, или признать наличие факта, которого в действительности не было, т.е. дать ложное показание суду». Тем самым С.В. Курылев делает вывод о том, что двойственная идея признания, которую поддерживает, в частности, Д.И. Полумордвинов, имеет отношение только к признанию иска⁵⁶.

Однако С.В. Курылев признает, что в «буржуазном процессе», т.е. в процессе, в котором действует истина формальная, «если сторона хочет распорядиться своим правом путем признания притязания противника, она может это сделать не только в форме признания иска, но и в форме признания фактов, положенных истцом в основание иска, т.е. признания фактов, не существовавших в действительности. Буржуазный суд, лишенный возможности проверить истинность такого признанного факта, хотя бы он и был уверен в ложности признания, обязан считать установленным наличие несуществующего факта, обязан считать его бесспорным». Указанный вывод С.В. Курылев делает на основании принципов диспозитивности и

---

⁵⁵ - С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С. 146;

⁵⁶ - Полумордвинов Д.И. Признание стороны в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1940. С. 126

состязательности «буржуазных стран»⁵⁷. Соответственно, в условиях отказа от принципа объективной истины в действующем законодательстве, а именно ввиду существующего понимания принципа состязательности, следует сделать аналогичный вывод в отношении действующего законодательства (если согласиться с позицией о том, что принцип состязательности предполагает установление формальности истины).

Соответствующие различия совершенно обоснованно определены С.В. Курылевым в том, что, принципы диспозитивности и состязательности в советском гражданском процессе являются принципами самостоятельными.

В силу принципа диспозитивности можно распоряжаться правами, в силу принципа состязательности распоряжаться фактами нельзя, - такую позицию занимает С.В. Курылев, и данная позиция полностью совпадает с господствующим в советской литературе отношением к толкованию принципа диспозитивности и состязательности⁵⁸.

В опровержение доводов сторонников двойственной природы признания как единого явления С.В. Курылев также приводит тезис о том, что, если распространить идею двойственной природы «признания на признание фактов, неизбежно должно прийти к выводу, что в советском гражданском процессе сторона путем признания может распорядиться фактами, т.е. давать ложные показания о фактах, а суд вправе такие показания положить в основу своего решения, что является противоречащим принципам объективной истины и состязательности советского гражданского процесса». Представляется, что такой вывод является совершенно верным с точки зрения принципов советского гражданского процесса, поскольку, как пишет сам С.В.

57[□] - С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С. 149

58[□] - С.В. Курылев, там же, С. 149

Курылев, «принцип состязательности советского гражданского процесса представляет собой сочетание инициативы и самодеятельности сторон с инициативой и самодеятельностью суда и прокураторы»⁵⁹.

Некоторыми авторами были предложена иная концепция. Так, К.С. Юдельсон предлагал воспринимать признание иска в качестве признания фактов, лежащих в основании соответствующего иска⁶⁰. Опровергая концепцию К.С. Юдельсона, С.В. Курылев отмечает, что позиция, согласно которой признание иска сводится к признанию фактов, ошибочна, поскольку игнорирует момент воли, который всегда присущ признанию иска и не имеет значения в условиях признания фактов⁶¹.

Таким образом, С.В. Курылев отмечает положительный аспект в идее К.С. Юдельсона, который состоит в том, что К.С. Юдельсон правильно рассматривает признание факта в качестве доказательства, однако сведение признания иска к признанию факта означает, во-первых, отрицание волевой (диспозитивной) характеристики признания, а, во-вторых, позволяет распространять правила о последствиях признания иска к признанию факта без необходимых обоснований.

С точки зрения С.В. Курылева позиция К.С. Юдельсона ведет к тому, что признание факта расценивается как особое доказательство, которое влечет бесспорность факта, освобождает от доказывания, однако С.В. Курылев не находит подтверждения для соответствующего вывода в законе. Следует сказать, что действительно, с точки зрения советского гражданского процесса идея бесспорности факта и освобождения от доказывания невозможна ввиду необходимости достижения объективной истины, что

---

⁵⁹ С.В. Курылев, там же, С. 150

⁶⁰ Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951. С. 206.

⁶¹ С.В. Курылев, там же, С. 150

предполагает обязанность суда оценивать соответствующее доказательства «на пути» установления объективной истины. Это означает, что под признанием иска в советском гражданском процессе следует понимать распорядительное, волевое действие, а под признанием факта – доказательство.

Следует присоединиться к позиции С.В. Курылева, согласно которой признание иска не означает признание фактов, лежащих в основании иска. Данный тезис будет исследован ниже при анализе возможностей представителя осуществлять признание факта.

§ 4. СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА (после С.В. Курылева)

В современной литературе проблема объяснений сторон также непосредственно исследовалась И.Р. Медведевым.

И.Р. Медведевым возобновляется дискуссия о понимании того, о чьих действиях должны «свидетельствовать» показания сторон.

И.Р. Медведев указывает, что современное правоведение исходит из «широкой» концепции, согласно которой, если объяснения являются свидетельством, тогда несущественно, о чьих действиях предоставляется информация. «Знание из первых рук не требуется, поскольку предполагается, что сторона просто так, безосновательно, ничего не говорит». Представляется, что И.Р. Медведев подтверждает верный тезис ложным доказательством, поскольку знание о факте не из первых рук и сообщение о соответствующем факте есть прежде всего показание того, что лицо воспринимало сообщение об искомом факте от другого лица в определенном содержании. Однако относится ли это к данному лицу или нет с точки зрения

значимости для него и его интереса неизвестно, а именно от этого и зависит ответ, как следует воспринимать соответствующие показания.

«Узкая» же концепция объяснения сторон, отраженная в современной отечественной литературе И.Р. Медведевым со ссылкой на германские источники, предполагает: «Бесспорно, человек должен лучше знать о своих действиях и интересах – тогда есть доверие; каждый обычно посвящает своим делам большое внимание»⁶². Аналогичную позицию занимал и С.В. Курылев, включая, хотя и несколько противоречиво, в состав показаний сторон также и показания о действиях других лиц⁶³.

Идея о том, что объяснения сторон являются личным доказательством, продолжила своё развитие в идеях советских и современных авторов после С.В. Курылева. Представляется необходимым обратиться к анализу, в том числе, работ М.К. Треушникова и И.Р. Медведева в целях анализа данного подхода, поскольку М.К. Треушников основывает свою позицию на взглядах советского времени, а И.Р. Медведев анализирует взгляды советского времени. Таким образом, следует излагать указанную дискуссию в полемике с И.Р. Медведевым и С.В. Курылевым.

Вследствие анализа литературы и практики И.Р. Медведев полагает, что объяснения сторон включают в себя более широкий перечень информации, так выделяются:

- сведения о фактах,
- вопросы правового характера: правовые выводы, юридическая квалификация отношений,
- доводы, мотивы, мнения, аргументы и соображения,

---

⁶² - Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.60;

⁶³ С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С.67, 76 ;

-волеизъявления,

-выражения эмоций, настроений⁶⁴.

И.Р. Медведев соглашался с данной концепцией. Соответственно, в условиях действующей терминологии следует признать необходимым выделять объяснения сторон в широком смысле, что включает в себя пять элементов, указанные выше, а также объяснения сторон в узком смысле, то есть сведения о фактах/показания сторон, что и является доказательством. В этом смысле объяснения сторон в широком смысле могут выведены и обоснованы правом каждого быть выслушанным, которое является широко признанным в зарубежных правовых порядках, даже на конституционном уровне, а также признаваемы некоторыми отечественными авторами, например, В.М. Шерстюком и И.Р. Медведевым⁶⁵. Кроме того, соответствующее право может выведено из общего принципа устности гражданского процесса, а также из состязательной формы построения процесса, которая предполагает «состязание», существующее независимо от устной или письменной формы соответствующего «состязания» есть обмен мнениями, позициями, эмоциями и.т.д.

64[□] - С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С. 64,; Пучинский В.К. Признание стороны в советском гражданском процессе. М., 1955, С. 30, 56; Пучинский В.К. Судебное признание в советском гражданском процессе // СГиП, 1954. №1. С.117; Афанасьев С.Ф. Проблемы истины в гражданском судопроизводстве С.148-49; Гражданский процесс: Учебник/ отв. ред. Н.А. Чечина, Д.М. Чечот. М., 1968. С.191-192 (автор главы. 13 «Судебные доказательства» - Д.М. Чечот); Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу М., 1950, С.117

65[□] - Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.26; Также приводятся: Шерстюк В.М. Право быть выслушанным и быть услышанным – принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2004. С.57-63, Давтян А. Г. Гражданское процессуальное право Германии .М., 2000. С.34-36.

В отношении стадий формирования личных доказательств позицию С.В. Курылева в настоящее время поддерживает М.К. Треушников⁶⁶.

В отношении вопроса о разграничении признания факта и признания иска И.Р. Медведев соглашается с позицией С.В.Курылева.

Приводя контраргументы относительно распорядительных теорий объяснений сторон, И.Р. Медведев пишет, что «господство сторон над составом фактов и его установлением в процессе, не вытекает ни из задач гражданского судопроизводства, ни из публичного характера функций отправления правосудия. Проявлением принципа диспозитивности можно считать не отказ государства от установления истины в процессе, а, скажем, самостоятельное решение вопросов в широком смысле (обращаться в суд или нет), и в узком (признавать факт или оспаривать). Возможно распоряжение не фактами, а только процессуальным правом давать объяснения»⁶⁶.

Делая заключительный вывод, И.Р. Медведев утверждает, что «...само появление лица в суде говорит о том, что оно, как минимум заинтересовано в исходе процесса. Тогда рассматривать признание как распоряжение, не требующее проверки суда, невозможно»⁶⁷.

Указанные аргументы И.Р. Медведева во многом основываются на том, что он отвергает возможность существования формальной истины в гражданском процессе, хотя этот тезис не столь очевиден⁶⁸. Так, в связи с тем, что гражданский процесс подчинен принципу состязательности, стороны сами вольны решать, какие доказательства предоставлять суду, а суд в такой ситуации является фигурой пассивной. Однако в советское время принцип состязательности понимался ограниченно, поскольку действовал в

---

⁶⁶ – Треушников М.К. Судебные доказательства. 4-е изд., перераб. И доп. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец»», 2005. С. 115

⁶⁷ – Медведев И.Р., там же, С.161.

⁶⁸ – Медведев И.Р., там же, С.162.

условиях принципа объективной истины. Состязательность предполагала возможность суда и прокурора собирать доказательства в целях обеспечения законности и достижения объективной истины. В настоящее же время суд пассивен в сборе доказательства, следовательно, суд не способен достичь объективной истины. Пассивность суда в вопросе сбора доказательств – есть точка зрения на принцип состязательности. В настоящее время принцип состязательности предполагает установление судом истины формальной⁶⁹.

И.Р. Медведев в опровержение указанной идеи утверждает, что неограниченные диспозитивность и состязательность не присущи не только российской, но и современной зарубежной процессуальной доктрине. В частности, И.Р. Медведев предлагает считать доказательством только то, что достоверно⁷⁰. Соответствующий тезис является верным с точки зрения того, что суд основывает свое решение исключительно на достоверных доказательствах. Однако определение достоверности доказательства есть результат его оценки, соответственно суд может прийти к выводу о достоверности доказательств лишь после принятия соответствующего доказательства в процесс. Поскольку доказательства оцениваются на достоверность, то есть суд исследует вопрос о том, насколько указанные доказательства «достойны его веры», то исследуемое явление является доказательством, поскольку только доказательство подлежит оценке суда.

Указанный ход рассуждения не остается незамеченным в современной литературе. Если придерживаться идее о формальной истине, которая проистекает из закрепления диспозитивности в действующем законодательстве, то можно сделать вывод о том, что признание факта есть

---

⁶⁹– Медведев И.Р., там же, С.61.

⁷⁰– Медведев И.Р., там же, С.61.

распорядительное действие и не содержит в себе информации, а есть лишь заявление, которое стороны решили считать достоверным ⁷¹.

Другой вопрос, что формальная истина должна быть не бесконечной, а лишь такой, которая проистекает из принципа состязательности, поскольку иначе это приведет к тому, что стороны смогут согласовывать любые факты перед лицом суда.

Таким образом, И.Р. Медведев считает, что признание факта есть доказательство, но не есть распоряжение фактом, воля же признающего лица содержится в самом «желании» дать признание. Подробнее концепция И.Р. Медведева будет также предметом рассмотрения в третьей главе, а также при анализе действующего законодательства.

Дореволюционные отечественные авторы, а также иностранные авторы, выделявшие признание фактов, давали определенную характеристику признания факта.

И.Р. Медведев высказывает точку зрения, согласно которой соответствующую классификацию следует понимать шире, поскольку круг участников, «дающих объяснения в современном гражданском процессе, обширнее». Более широкое понимание соответствующего критерия классификации заключается в том, что ответ на вопрос о разновидности объяснения в каждом конкретном случае должен решаться в зависимости от того, могут ли «сведения отрицательным образом повлиять на защиту правовой позиции лица по делу»⁷². Можно предположить, что И.Р. Медведев подразумевает возможность давать объяснения третьими лицами, однако

---

⁷¹– Бернэм У., Решетникова И.В., Ярков В.В. Судебная реформа: проблемы гражданской юрисдикции. Екатеринбург, 1996 С.26

⁷²– Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.84

статус третьих лиц с самостоятельными требованиями идентичен статусу сторон, следовательно, объяснения третьих лиц с самостоятельными требованиями вписываются в рамки критерия разграничения, констатированного С.В. Курылевым. В отношении третьих лиц без самостоятельных требований следует сказать, что объяснения данных участников также могут быть направлены различным образом в отношении их процессуальных интересов.

Однако И.Р. Медведев не соглашается с такой точкой зрения, указывая, что суд должен зафиксировать признание на конкретный момент. В момент дачи объяснений невыгодность признания факта должна просматриваться, а «впоследствии оно (признание) будет оцениваться в совокупности с иными доказательствами, и выводы суда, основанные на результатах оценки, могут быть самыми разными»⁷³.

Некоторыми авторами предлагается классификация объяснений на: утверждение, признание, отрицание и возражение⁷⁴. Однако, соответствующая классификация была убедительно подвергнута критике И.Р. Медведевым, обосновавшим то, что отрицание и возражение в части сведений о фактах являются утверждениями⁷⁵.

73[□]- Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.102-104

74[□]– Гражданский процесс России: Учебник/ Под ред. М.А. Вкут. 2-е изд. М., 2006 С.183-184 (автор главы – И.М. Зайцев; Власов А.А. Гражданский процесс: учеб. Пособие. М., 2006 С.189-190

75[□]- Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.90

Глава II. ПРИЗНАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

§1. ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРЕДСТАВИТЕЛЯ.

ПОЛНОМОЧИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

В целях обсуждения вопроса о возможности представителя признавать факты, следует поставить вопрос о правовой природе полномочий представителя.

Необходимо определить правовую природу статуса процессуального представителя для того, чтобы проводить последующий анализ возможности представителя осуществлять признание факта.

М.А. Гурвич считал, что представительство не имеет самостоятельного характера, что означало выделение судебного представителя в особую категорию лиц, участвующих в процессе, но не являющихся субъектам (в юридическом значении этого слова). Данная позиция, соответствует идеи деления всех участников процесса на лиц, участвующих в деле, и лиц, содействующих правосудию, если понимать под субъектами процесс лиц, которые материально заинтересованы в исходе дела. Кроме того, данная идея

соответствует и действующему законодательству, поскольку ст.34 ГПК РФ, ст.40 АПК РФ не упоминает судебных представителей в качестве лиц, участвующих в деле. Согласно действующему законодательству (ст.54 ГПК РФ ст.62 АПК РФ) представитель действует от имени и в интересах представляемого.

Данную позицию в разное время поддерживали также Власов А.А., Абрамов С.Н, Матлин Л.Б., Шакарян М.С ⁷⁶.

Множество специалистов относят представителя к лицам участвующим в деле (Л.Ф. Лесницкая, И.М. Ильинская, В.В. Ярков, С.А. Халатов. С.А.) Халатов С.А. указывает, что «процессуального представителя следует отнести к лицам, участвующим в деле, так как он имеет самостоятельный юридический интерес в процессе (материальный, общественный), выражает свою волю и наделяется определенными правами». В советское время аналогичную позицию занимали В.П. Мозолин и В.Н. Щеглов ⁷⁷.

Е.В. Салогубова, обосновывая данную точку зрения, рассуждает следующим образом: «Судебный представитель является субъектом гражданских процессуальных отношений, имеет процессуальный интерес в деле, своими действиями оказывает влияние на развитие процесса ⁷⁸. Он

---

⁷⁶ Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950. С. 47; Власов А.А. Адвокат как субъект доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М.: изд-во «Юрлитинформ», 2000. С. 17., Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1952. С. 83, Матлин Л.Б. Судебное представительство по советскому праву М., 1955; Шакарян М.С. К вопросу о понятии и составе лиц, участвующих в гражданских делах М., 1990. С. 182

⁷⁷ - Ильинская И.М., Лесницкая Л.Ф. Судебное представительство в гражданском процессе. – М.: Юрид лит., 1964, -100-150; В.В. Ярков. Гражданский процесс: учебник для вузов. Издательство Волтерс Клувер, 2006. 80-100; С.А. Халатов. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве. Автореферат Дисс .. канд юрид. Наук. 2000. С.21; Мозолин В.П. О гражданско-процессуальном правоотношении // Советское государство и право. 1955 N 6. С. 179; Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение Томск, 1966.

⁷⁸ Гражданский процесс: Учебник. 2-е изд., перераб. И доп. / под ред. М.К. Треушникова. М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2007. – с.80 (Автор главы Е.В. Салогубова)

имеет самостоятельные процессуальные права и обязанности. За невыполнение своих процессуальных обязанностей он может быть привлечен к процессуальной ответственности».

В.В. Ярков также указывает, что судебных представителей необходимо отнести к лицам, участвующим в деле, поскольку «судебные представители имеют самостоятельные процессуальные права и обязанности, установленные законом»⁷⁹.

Продолжая развитие соответствующего тезиса, И.А. Табак предложил считать представителя лицом, участвующим в деле (однако с процессуальным интересом, то есть как субъекту, действующему в защиту прав и свобод лиц, участвующих в деле)⁸⁰.

В литературе также существует и достаточно обособленная позиция. Р.А. Сидоров делает вывод, что «судебный представитель не является лицом, участвующим в деле, его нельзя и отнести к лицам, содействующим осуществлению правосудия»⁸¹. Процессуальное положение представителя является сложным, поскольку он выступает и как лицо, реализующее данные ему полномочия, и как носитель самостоятельных процессуальных прав и обязанностей. Автор считает, что судебный представитель - самостоятельный участник гражданского судопроизводства (поскольку является носителем самостоятельных процессуальных прав и обязанностей), выступающий в процессе производстве.

79[□] - В.В. Ярков. Гражданский процесс: учебник для вузов. Издательство Волтерс Клувер, 2006. 80-100

80[□] - Табак И.А. Новые положения судебного представительства в гражданском судопроизводстве. Саратов. 2011. С.8

81[□] - Сидоров Р.А. Представительство в гражданском процессе: Автореф. Дис. ...канд. Юрид. Наук. Тверь, 2011

В доктрине отсутствует единство мнений относительно правовой природы полномочия представителя. Теоретическая база учения о полномочиях представителя разработана прежде всего в науке гражданского права. Профессор Санкт-Петербургского государственного университета О.С. Иоффе трактовал полномочие в качестве юридического факта.

«Полномочие не является субъективным правом, так как представитель благодаря полномочию приобретает не права, а только возможность осуществления чужих прав и обязанностей или приобретения их для другого лица. Но вместе с тем полномочие порождает определенные юридические последствия и, стало быть, имеет значение юридического факта. Полномочие и есть юридический факт, определяющий границы присоединения к правоспособности представляемого дееспособности представителя»⁸².

В.А. Рясенцев отчасти соглашается с тем, что полномочие не является субъективным правом, однако объясняет это тем, что полномочию не соответствует чья-либо обязанность, его нельзя нарушить как субъективное право и оно не порождает право на иск. В.А. Рясенцев следует воззрению М.М. Агаркова о том, что правоспособность имеет некие самостоятельные проявления наряду с субъективными правами. Отличие же указанных проявлений от субъективных состоит в том, что проявлениям правоспособности не противостоят никакие обязанности. В.А. Рясенцев указывает, что «Полномочие есть проявление гражданской правоспособности, заключающееся в возможности совершить действия от имени другого лица с непосредственными юридическими последствиями для него»⁸³.

---

⁸² Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 202-203

⁸³ - Рясенцев В.А. Понятие и юридическая природа полномочия представителя в гражданском праве // Методические материалы ВЮЗИ. М., 1948. Вып. 2. С. 7; Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 71

В качестве контраргумента Е.А. Крашенинников указывал, что «полномочию корреспондирует правовая обязанность, лежащая на представляемом.

Должное поведение представляемого как субъекта этой обязанности не является ни действием, потому что для осуществления представителем принадлежащего ему полномочия какого-либо содействия представляемого не требуется, ни воздержанием от действия, так как представляемый не может воспрепятствовать представителю осуществить свое полномочие, ни претерпеванием, поскольку полномочие, будучи правом совершить сделку для другого лица, рассчитано на нормальную правовую ситуацию, в то время как претерпевание может осуществляться только в охранительном правоотношении, т. е. правоотношении, складывающемся в результате конфликтной ситуации. Принимая во внимание, что должное поведение представляемого, как субъекта обязанности, корреспондирующего полномочию представителя, одно свойственно претерпеванию, но в отличие от претерпевания не связано с огорчениями. Обращаясь к приему римских юристов, мы называем такое претерпевание - квазипретерпеванием (quasi-pati)». Так, Е.А. Крашенинников отстаивает позицию, согласно которой полномочие является субъективным правом, обязанность по которому несет представляемый⁸⁴.

Похожую позицию высказывает Е.Л. Невзгодина, полагая, что полномочие представителя это субъективное право, которому, однако противостоит обязанность всех лиц не препятствовать осуществлению полномочия⁸⁵.

---

⁸⁴ - Крашенинников Е.А., Ю.В. Байгушина. Элементы понятия представительства. [Электронный ресурс: <http://www.szrf.ru/doc.php?nb=edition07&issid=2012003000&docid=3>]

⁸⁵ - Е.Л. Невзгодина Представительство по советскому гражданскому праву. Томск., 1980.

Е.И. Орешин высказывает позицию, которая логически следует из позиции В.А. Рясенцева. М.М. Агарков, чья позиция легла в основу позиции В.А. Рясенцева, активно возражал против признания существования юридической связанности, секундарных прав, о которых шла активная дискуссия в германской литературе.

Соответственно, если соглашаться с теорией секундарных прав, то можно сделать и вывод о том, что полномочие является секундарным правом, которое предполагает существование связанности лиц действиями представителя, как если бы вместо представителя действовал представляемый⁸⁶.

Обе рассмотренные выше дискуссии должны являться предметом самостоятельного исследования, поскольку каждая из изложенных позиций вызывает необходимость углубляться в характеристику различных правовых явлений, что не является предметом настоящего исследования. В рамках настоящей работы в качестве верной будет принята позиция, согласно которой полномочие представителя является секундарным правом и является самостоятельным субъектом процесса, имеющим особый интерес (данный тезис также будет предметом рассмотрения в третьей главе через «призму» возможности представителя давать объяснения). Кроме того, представительство предполагает волевою деятельность представителя, независимо, какой из выбранных концепций следует придерживаться.

---

⁸⁶ - Орешин Е.И. Представительство по советскому гражданскому праву. Томск., 1980. С.33-47; Рясенцев В.А. Понятие и юридическая природа полномочия представителя в гражданском праве // Методические материалы ВЮЗИ. М., 1948. Вып. 2. С. 7; Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 71; Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву В 2 т. Т.2 Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. – М.: Статут, 2012. С. 100-105.

§2. ПРИЗНАНИЕ ФАКТА ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ

Следует подробнее остановиться на положениях действующего процессуального законодательства России. Так, статьей 68 ГПК РФ и статьей 70 АПК РФ устанавливается, что суд не принимает признание, совершенное под влиянием обмана, насилия, угрозы, заблуждения. Соответствующие положения позволяют прийти к выводу о том, что признание факта представляет собой волевое действие, так как суд проверяет существование пороков воли при совершении указанных действий.

В качестве подтверждения доказательственной концепции признания можно выдвинуть то, что указанные статьи процессуальных законов определяют, что признание может быть совершено в целях сокрытия определенных фактов, а значит суд оценивает признание на соответствие фактам, которые устанавливаются судом на основании оценки иных доказательств, следовательно, признание является доказательством.

И.Р. Медведев, ссылаясь на О. фон Бюлова, полагает, что «для выполнения задачи соблюдения законности в процессуальных кодексах могут закреплять различные нормы, в частности те, которые устанавливают, что

пороки воли или какие-либо иные ошибки, возникшие на стадии возникновения признания, вредят заложенным в данный институт целям и тем самым делают его незаконным». Волевая характеристика, с точки зрения И.Р. Медведева относится лишь к желанию сделать заявление в суде, дать объяснение. «После начала дачи объяснения сказанное оценивает суд. Фраза, содержащая объяснение-доказательство, должна звучать не «я хочу, чтобы информация использовалась так-то и так-то» (это императивное указание суду об оценке), а «я хочу предоставить информацию»»⁸⁷.

В условиях свободной оценки всех доказательств существование факта, который становится бесспорным в глазах суда, означает то, что суд ориентируется на соответствующий факт при оценке других доказательств, что делает свободную оценку доказательств невозможной. Именно об этом и говорил И.Р. Медведев, когда опровергал распорядительную концепцию признания.

Однако положения ст.70 АПК РФ, предусматривающие существование соглашения по фактическим обстоятельствам, приводит нас к мысли о возможности существования обстоятельств, относительно которых стороны договорились, а значит к возможности существования волевого аспекта в соглашении о фактических обстоятельствах. Данный тезис также поднимает вопрос о потенциальной возможности существования волевого аспекта в отношении признания.

В заключение следует согласиться с мнением И.Р. Медведева в части утверждения о том, что если признание (как и утверждение) стороны являются доказательствами, то тогда невозможен вывод о том, что признание факта освобождает от доказывания (или каким-либо иным образом перераспределяет бремя доказывания). Поскольку «если рассматривать признание как доказательство, его «последствия», с точки зрения теории, не отличаются от эффекта других доказательств. В свою очередь в качестве

---

⁸⁷ Медведев И.Р., там же, С.86.

контраргумента сторонники обратного подхода ссылаются на положения ч.2 ст.68 ГПК РФ и ч.3 ст.70 АПК РФ, утверждая, что, признание факта относится к основаниям освобождения от доказывания ⁸⁸.

В свою очередь И.Р. Медведев, критикуя нормы закона, указывает, что соответствующее регулирование «сделано поверхностно, без учета сущности признания факта» ⁸⁹.

Исследуя вопрос о субъектах предоставления объяснений, следует остановить особое внимание на представителе как субъекте соответствующих объяснений. В рамках настоящей главы внимание будет уделено оценке возможностей представителя по даче объяснений как доказательства.

Как выше указывалось, источником доказательства (объяснений) может быть только такой субъект, который является участником спорных материальных правоотношений, который непосредственно воспринимал указанный факт. Указание на непосредственное восприятие факта является следствием того, что показания сторон именно потому имеют значения, поскольку они лучше знают обстоятельства дела, так как «участвовали», были непосредственными «свидетелями» и «участниками» спорных фактов.

Учитывая соответствующий тезис, М.К. Треушников, соглашаясь с ранее высказанными доводами С.В. Курылева, указывает, что стороной как источниками доказательства не могут выступать прокурор и государственные органы, поскольку они не являются субъектами спорного правоотношения ⁹⁰.

---

⁸⁸ – Афанасьев С.Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве: Дис. ...канд. Юрид. Наук. М., 1980. С.154-155; Гражданский процесс России: Учебник/ Под ред. М.А. Видука. 2-е изд. М., 2006 С.177 (автор главы – И.М. Зайцев); Коростылева Ю.А. Особенности рассмотрения отдельных категорий дел, связанных с защитой права граждан на социальное обеспечение: Дис. ...канд. Юрид. Наук. Екатеринбург, 2004. С.808.

⁸⁹ Медведев И.Р., там же, С.86.

⁹⁰ Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2004. С. 157 – 159

Продолжая соответствующее рассуждение, а по существу, указывая на вывод, сделанный ранее С.В. Курылевым, следует сказать, что представитель стороны, а также юридическое лицо не могут давать объяснения стороны, поскольку они не были участниками соответствующих материальных правоотношений, так как юридическое неспособно воспринимать соответствующие факты непосредственно. Однако данный тезис верен, если согласиться с указанным пониманием объяснения стороны как личного доказательства.

Так, С.В. Курылёв, исходя из открытого перечня доказательств и отсутствия ограничения относительно источников доказательств, пришел к выводу о возможности допущения объяснений представителя как доказательства, однако задался справедливым вопросом о статусе соответствующего доказательства⁹¹. Хотя в обоснование открытого перечня доказательств С.В. Курылев полагался на принцип материальной (объективной истины), что в условиях действующего регулирования может быть подвергнуто сомнению, следует согласиться с позицией С.В. Курылева, поскольку действительно, если какая-либо информация «попадает» в поле зрения суда, подвергается оценке суда, следует понять статус соответствующей информации, а как следствие и статус объяснений представителя (Примечание автора – логически скорее в обратной последовательности).

Делая попытку выявить особенности объяснений представителя, С.В. Курылев указал на то, что объяснения представителя отличаются от свидетельских показаний тем, что представители не несут обязанность давать показания, не предупреждаются об ответственности за дачу ложных показаний, а также они имеют определенный интерес в исходе дела. Всё это позволяет сделать вывод о том, что объяснения представителей схожи с

---

⁹¹ - С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С.70-72;

объяснениями сторон. Однако, с другой стороны, объяснения представителей не являются объяснениями лиц, имеющих юридический интерес в исходе дела, что отличает представителя от сторон. С.В. Курылёв пишет: «...для оценки достоверности доказательства не безразличен характер данной заинтересованности, не безразлично, имеется ли у лица, дающего показания, юридическая заинтересованность в исходе дела или же заинтересованность другого порядка. И в этом отношении можно наблюдать существенную разницу между различными участниками дела. Наличием юридического интереса характеризуются лишь стороны и третьи лица...» Таким образом, именно характеристика интереса представителя наделяет его особенностями, которые отличают показания представителя от показаний свидетеля и показаний стороны.

Однако отличия между свидетелем и представителем касаются не самого субъекта, а тех процессуальных правил, которые применяются к соответствующему субъекту. Кроме того, С.В. Курылев указывал на наличие определенной заинтересованности представителя, это касалось прежде всего представителей юридических лиц. В этой связи, если представитель юридического лица одновременно является и «свидетелем» определенных фактов, то суд должен предоставить соответствующему представителю статус свидетеля со всеми правилами, применимыми к статусу свидетеля, однако при оценке достоверности соответствующих показаний свидетеля, конечно, суд учтет те или иные аспекты заинтересованности указанного юридического лица.

Таким образом, следует отметить, что С.В. Курылев в ходе своих рассуждений имеет ввиду прежде всего такие объяснения представителя, которые содержат в себе информацию, непосредственно воспринятую представителем, а не пересказанную со слов стороны. Это не является объяснением стороны о фактах, которые сама сторона непосредственно воспринимала.

Так, В.Н. Ивакин указывает, что существуют две ситуации: 1) когда представитель воспринимает информацию со слов представляемого 2) когда представитель воспринимает информацию лично⁹². При этом В.Н. Ивакин указывает, что в первом случае на представителя должен распространяться режим объяснений сторон, поскольку представляет сторону. Во втором же случае, по мнению В.Н. Ивакина, имеет место свидетельствование факта, представителя следует освободить от участия в процессе, предложив заменить его другим, и допросить именно как свидетеля со всеми гарантиями достоверности. С данной позицией можно согласиться лишь отчасти, поскольку, если представитель воспринимает информацию со слов представляемого, то соответствующее доказательство уже не является объяснениями стороны, а является объяснениями представителя, поскольку представителем была воспринята информация о факте со слов представляемого (стороны), то есть имеет место повторное отражение в памяти представителя, а значит создание нового доказательства.

Некоторые авторы указывают, что объяснения сторон и объяснения представителя имеют равный статус, поскольку при отсутствии личного участия стороны объяснения представителя следует рассматривать как объяснения самого доверителя, так как происходит простая передача информации от представляемого к суду посредством представителя⁹³.

Однако, если воспринимать объяснения стороны как доказательство, то есть как «следоотражающую материю» в отношении фактов, «свидетелем»

92[□]– Ивакин В.Н. Представительство в советском гражданском процессе. С.57-60, 187

93[□]– Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.46-48, Ссылки: Елизаров В.А. Доказывание сторонами своих требований и возражений... С.83-85; Ивакин В.Н. Представительство в советском гражданском процессе С.52-55; Лукьянова И.Н. Доказательства в арбитражном процессе: Дис. ...канд. Юрид. Наук. М., 2003. С.182-183; Малинин М.И. Судебное признание... С. 74, 76, 81; Матлин Л.Б. Судебное представительство по советскому праву. С. 88-90; Юдельсон К.С., Проблема доказывания в советском гражданском процессе. С. 117-118.

которых была сторона, то тогда соответствующая идея теряет смысл, поскольку, как уже указывалось выше, восприятие соответствующей информации представителем есть новое восприятие.

В этом смысле оправдана точка зрения, согласно которой имеет значение то, что представители непосредственно факты не воспринимали, а значит не могут давать объяснения стороны.

В свою очередь некоторые авторы в пользу тезиса о том, что представители не могут давать объяснения, также указывают, что представители не являются «субъектами спорного материального правоотношения»⁹⁴. Выражаясь терминологией С.В. Курылева, представитель не имеет юридической заинтересованности.

Исходя из практических соображений, а также ссылаясь на нормы процессуальных кодексов, например, возможности опроса судом представителя истца при подготовке дела к судебному разбирательству (п.2 ч.1 ст.150 ГПК РФ), возможность представителей задавать вопросы свидетелям (ч.3 ст.177 ГПК РФ), выступать с дополнительными объяснениями после исследования всех доказательств (ст.189 ГПК РФ), участвовать в судебных прениях (ст.190 ГПК РФ) объяснения представителей обязательно отражаются в протоколах (п.8 ч.2 ст.229 ГПК РФ); они же исследуются и в апелляционной инстанции (ст.357 ГПК РФ), И.Р. Медведев делает вывод о том, что представители могут давать объяснения. В том числе, в подтверждение своей позиции И.Р. Медведев ссылается на положения п.7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №13 от 26 июня 2008 г. «О

---

⁹⁴ - Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.47; Ссылки: Анненков К. Опыт комментария к УГС. Т. II. О доказательствах. СПб., 1880. С. 358; Грось Л.А. О постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О Судебном решении» // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. №10. С.41-42; Курылев С.В. Объяснения сторон... М., 1956. С.12-17; Треушников М.К, Судебные доказательства. М., 2004. С. 155-158.

применении норм ГПК РФ при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции», а именно «От имени сторон и третьих лиц объяснения могут давать их представители (ст.48 ГПК РФ)»⁹⁵. Во-первых, следует указать, что соответствующая ссылка Верховного Суда РФ на ст.48 ГПК РФ не позволяет сделать вывод о том, что представитель может быть самостоятельно источником доказательств. Ведение дела через представителя - это передача полномочий на ведение дела, но не передача «ментального состояния», «сознания». Во-вторых, в отношении ссылок на положения ГПК РФ, которые были сделаны И.Р. Медведевым, следует также отметить, что из положений соответствующих статей неясно, какие именно объяснения дает представитель. Как уже указывалось выше, объяснениями в широком смысле слова являются в том числе и выражение правовой позиции или приведение доводов, участие в «состязании», в свою очередь, например, право задавать вопросы свидетелю является способом участия в «состязании», а участие в судебных прениях является лишь выражением позиции по делу, а не приведением сведений о фактах. Таким образом, ГПК РФ в соответствующих нормах не позволяет представителю предоставлять сведения о фактах. В этом смысле предоставление представителю возможности передавать сведения о фактах от представляемого значило бы допущение необоснованного исключения из принципа непосредственности.

Однако именно такой вывод и следует из рассуждений И.Р. Медведева, который указывает на то, что давать объяснение сторон есть право стороны и следствие принципа диспозитивности. В свою очередь, если же рассматривать необходимость предоставления объяснений с точки зрения принципа состязательности, а именно принцип состязательности отражает возможность сторон самостоятельно предоставлять доказательства, то тогда

---

⁹⁵ - Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.43

можно сделать вывод, что стороны обязаны предоставлять доказательства. Об этом, как уже было указано выше, говорил М.К. Треушников. По крайней мере, такой вывод допустим с точки зрения возможности истребовать доказательства другой стороны. Соответственно, другая сторона имеет право требовать именно объяснения стороны, а не представителя, поскольку именно сторона является первоисточником.

Кроме того, если исследовать первоначальное доказательство в виде объяснений стороны, то не следует исследовать производное доказательство, именно ввиду возможности искажения⁹⁶. В этом смысле, когда речь идёт о личных доказательствах, то производные доказательства особенно подвержены возможному искажению в связи с особенностями формирования объяснения сторон, как доказательства и отражения их в психике человека.

И.Р. Медведев однако подчеркивает, что «в изначальном виде, в котором объяснения появились в качестве доказательства (свидетельство в собственном деле, лучшее знание фактов и т.п.), объяснения сторон не идентичны по значимости объяснениям представителям ... Представители, как правило, о фактической стороне дела самостоятельно не знают, довольно часты случаи, когда они ввиду загруженности не готовятся к процессу и по фактам ничего не могут пояснить. Но при возвращении из теории в более прозаический процессуальный мир можно заметить, что представители помогают узнать сведения о фактах и приводят важные для дела доводы, в том числе мнения по правовым вопросам, которые должны быть заслушаны.

Кроме того, раз в объяснениях представителей могут быть сведения о фактах, откуда бы они их ни получили, следует обеспечить им возможность попасть в доказательственную базу на законных основаниях»⁹⁷. Следуя идее

---

⁹⁶ – С.В. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012. С. 268, 439;

⁹⁷ – Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010., С.51-52

о том, что объяснения сторон являются личным доказательством, следует сделать вывод о том, что объяснения сторон являются первичным доказательством. Если же представитель дает объяснения, то такие объяснения становятся производным доказательством. Если есть возможность исследовать «первоисточник», то не следует «довольствоваться» пересказом представителя о соответствующих фактах.

Однако соответствующие рассуждения актуальны с точки зрения восприятия объяснения сторон с информационной, гносеологической точки зрения. В свою очередь, некоторые авторы, указывалось выше, воспринимают идею объяснения как волеизъявление, как «распоряжение» фактами.

Если понимать признание факта как действие волевое, то есть аналогично признанию иска, то для осуществления признания факта, во-первых, необходима процессуальная дееспособность, а, во-вторых, представитель может осуществлять признание факта, поскольку представительство есть деятельность волевая, а соответственно волевые действия субъекта может совершать представитель.

Хотя И.Р. Медведев исходит из иного тезиса, поскольку волю в признании И.Р. Медведев видит лишь в желании предоставить информацию, однако не в самом признании. Волевой аспект существует лишь в состязательном смысле, что предполагает право стороны давать доказательства и соответствующее право реализуется по воле стороны. Соответственно, можно предположить, что, в том числе, на основании указанного тезиса делается вывод о том, что представитель может давать объяснения, может предоставлять суду любые другие доказательства. Хотя этот тезис остается спорным, поскольку, как указывалось выше, объяснения стороны является личным доказательством. Ввиду этого выглядит

сомнительным утверждение о том, что представитель может давать объяснения.

Определенную «запятую» в этой проблеме поставил Верховный Суд РФ в п.10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 «О судебном решении», в котором указал, что «При вынесении решения судам необходимо иметь в виду, что право признания обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, принадлежит и представителю стороны, участвующему в деле в ее отсутствие, если это не влечет за собой полного или частичного отказа от исковых требований, уменьшения их размера, полного или частичного признания иска, поскольку статья 54 ГПК РФ, определяющая полномочия представителя, не требует, чтобы указанное право было специально оговорено в доверенности»⁹⁸. Однако Постановление Пленума Верховного Суда в действительности не дает ответа на вопрос о выбранной концепции признания, поскольку указывает на то, что признание факта может иметь в качестве своего последствия в виде распорядительных действий или не иметь данного последствия. Если признание имеет распорядительное последствие, то, безусловно, такое признание является волевым. Если признание не имеет распорядительного последствия, то тогда остается открытым вопрос о том, какая концепция признания выбрана, поскольку, как признания как распоряжения фактами, так и концепция И.Р. Медведева подразумевают возможность представителя признавать факты (хотя И.Р. Медведев считает признание доказательством).

Следует отметить, что положения п.10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном решении» сформулированы таким образом, что предполагает наличие у представителя самостоятельного полномочия признавать факт, что означает, что представитель действует от собственного имени, давая объяснения. Следовательно, признание факта со стороны

---

⁹⁸ – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 «О судебном решении» [Электронный ресурс: СПС Консультант Плюс]

представителя можно признать самостоятельным доказательством, «гносеологически» исходящим от представителя, а не «передаваемым» от представляемого (как это имеет место в отношении иных доказательств). Однако, если считать, что полномочие представителя есть право (секундарное), то такое право не позволяет быть гносеологическим источником информации, право предполагает возможность совершения лишь волевых действий. Следовательно, признание факта в соответствии с п.10 Постановления Пленума Верховного Суда есть волевое действие.

Однако положения п.10 Постановления Пленума Верховного Суда также позволяют сделать следующий вывод. Если единственным различием признания факта и признания является необходимость на указание данного полномочия в доверенности, то следует задаться вопросом, означает ли это то, что признание иска есть признание фактов, которые лежат в основании иска, а, как следствие, влекут признание иска. Из буквального толкования п.10 Постановления Пленума Верховного Суда следует сделать вывод о том, что в основе признания иска также лежит признание фактов, а значит правовая природа признания иска и признания факта идентична. Следовательно, можно сделать вывод о том, что признание факта есть распорядительное (волевое) действие в полноценном понимании.

И.Р. Медведев указывал, что волевое действие в объяснениях представителя выражается лишь в желании дать объяснения, но не в самих объяснения стороны, а сами объяснения стороны являются доказательствами, поскольку свидетельствуют о фактах. Ввиду того, что следует согласиться с тем, что сами показания представителя свидетельствуют о фактах, необходимо признать, что волевой аспект выражается именно в возможности «давать доказательства».

Следует отметить, что в отношении соглашения по фактическим обстоятельствам АПК РФ прямо указывает на то, что представитель может

заключать соответствующее соглашение, если это указано в доверенности. Следовательно, в отношении соглашения по фактическим обстоятельствам следует сделать вывод о том, что соглашение по фактическим обстоятельствам является волевым действием. Но, как указывалось выше, в отношении соглашения волевой характер носит само соглашение, а не желание давать доказательства. Это приводит к мысли о том, что возможно и признание факта закон понимает, как самостоятельное волевое действие, то есть как разновидность волевого действия в отношении фактов материальной действительности, что означает возможность распоряжаться указанными фактами. Данные положения убеждают в том, что возможно распоряжение в отношении фактов, а значит представитель может осуществлять указанное распоряжение.

Согласно ч.2 ст.70 АПК РФ «Признанные сторонами в результате достигнутого между ними соглашения обстоятельства принимаются арбитражным судом в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания». Следовательно, законодатель считает, что признание факта может быть осуществлено как путем заключения соглашения, так и путем признания факта. В таком случае признание факта является волевым, распорядительным действием, поскольку аналогичное действие сторона может осуществить путем соглашения, которое является действием волевым.

Таким образом, представитель может осуществлять признание факта, а также наделяется полномочием по заключению соглашения по фактическим обстоятельствам. Продолжая соответствующую логику рассуждения, можно сделать вывод о том, что представитель может давать и объяснения стороны ввиду принципиальной возможности «представлять» в процесс информацию о фактах. Данная проблема будет подробнее изложена в следующей главе.

ГЛАВА 3. АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ КАС РФ

В связи с вступлением в силу Кодекса административного судопроизводства РФ (Далее – КАС РФ), которым в п.1 ст.56 КАС РФ предусмотрено, что «Представитель вправе совершать от имени представляемого им лица все процессуальные действия..., за исключением действий, связанных с получением объяснений и пояснений у самого представляемого лица и привлечением его к участию в осуществлении иных процессуальных прав, если суд признает это необходимым», следует поставить вопрос о том, позволяют ли положения данной статьи разрешить проблему, касающуюся возможности представителя давать объяснения.

В соответствии с п.1 ст.56 КАС РФ представитель осуществляет все процессуальные действия от имени представляемого, следовательно, под «всеми процессуальными действиями» в настоящей статье следует понимать все процессуальные действия, которые может осуществить представляемый. Однако представляемый не может осуществлять процессуальные действия, связанные с получением объяснений и пояснений у самого представляемого. При таком подходе к пониманию данной статьи указание на то, что представитель не может совершать действия, связанные с получением объяснений и пояснений сторон, выглядит абсурдным, если представитель действует от имени представляемого.

С другой стороны, если толковать положения ч.1 ст.56 КАС РФ не столь буквально, то можно сделать вывод о том, что имеются ввиду действия представляемого, которые он должен совершить лично. Данный вывод следует из того, что в ч.1 ст.56 КАС РФ указано: «... действий, связанных с привлечением его (представляемого) к участию в осуществлении иных

процессуальных прав». Таким образом, можно предположить, что ч.1 ст.56 КАС РФ под «получением объяснений и пояснений представителя» имеет ввиду те действия, которые представляемый должен осуществить лично.

Иным способом толкования данной статьи является признание представителя самостоятельным субъектом, осуществляющим свои права и обязанности⁹⁹. Однако даже в таком случае, представитель не может иметь право получать объяснения и пояснения представляемого, поскольку права представителя обращены к суду, а не к представляемому.

Последней возможностью является возможность толкования ч.1 ст.56 КАС РФ как понимающую под получением объяснений и пояснений внепроцессуальное получение пояснений и объяснений, которые, как следствие, представитель не может использовать в суде в качестве доказательства. Хотя из буквального текста ч.1 ст.56 КАС РФ следует обратное, а именно, что речь идёт о процессуальных действиях.

Продолжением данного подхода может быть подход, согласно которому под получением объяснений представляемого следует понимать дачу объяснений представителем, поскольку дача объяснений представителем предполагает получение информации от представляемого. Соответственно под получением объяснений от представляемого можно понимать дачу пояснений представителем.

Буквальное понимание термина «получение» в ч.1 ст.56 КАС РФ не способно привести к каким-либо выводам, которые бы соответствовали различным возможным пониманиям статуса представителя.

Исходя из изложенного выше, следует сказать, что представитель не может давать объяснения и пояснения как процессуальные действия,

---

⁹⁹ - Сидоров Р.А. Представительство в гражданском процессе: Автореф. Дис. ...канд. Юрид. Наук. Тверь, 2011

поскольку дача объяснений и пояснений связана с необходимостью привлечения представляемого для осуществления данных процессуальных прав.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что КАС РФ воспринимает дачу объяснений и пояснений как доказательство, связанное с личностью стороны.

Следует обратить внимание также на еще одно различие КАС РФ и АПК РФ. Если в ч.4 ст.70 АПК РФ указывалось, что «Арбитражный суд не принимает признание стороной обстоятельств, если располагает доказательствами, дающими основание полагать, что признание такой стороной указанных обстоятельств совершено в целях сокрытия определенных фактов или под влиянием обмана, насилия, угрозы, заблуждения, на что арбитражным судом указывается в протоколе судебного заседания». Таким образом восприятие признания факта как доказательства могло основываться на том, что суд оценивал признание с точки зрения возможности сокрытия определенных фактов, совершенного в ходе признания факта, что, как указывалось выше, предполагает доказательственную концепцию признания факта. В отношении же соглашения по фактическим обстоятельствам АПК РФ не предусматривал данного положения, что давало основание понимать соглашение по фактическим обстоятельствам как институт, предусматривающий распоряжение фактами.

В соответствии со ст. 65 КАС РФ: «Обстоятельства, которые признаны сторонами в результате достигнутого ими в судебном заседании или вне судебного заседания соглашения, а также обстоятельства, которые признаны стороной и на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, принимаются судом в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания». Таким образом, ч.1 ст.65 КАС РФ позволяет

сделать вывод о том, что законодатель придерживается позиции, согласно которой признание факта и соглашение по фактическим обстоятельствам дела носит единую природу. Это подтверждается положениями ч.4 ст.65 КАС РФ, который предусматривает возможность не принять соглашение по фактическим обстоятельствам на основании того, что данное соглашение имеет целью скрыть действительные обстоятельства.

С другой стороны, буквальное толкование ч.1 ст.56 КАС РФ предполагает, что сторона может только лично давать объяснения, следовательно, представитель не может давать объяснения, в том числе и признавать факты. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст.56 КАС РФ представитель может заключать соглашение по фактическим обстоятельствам, что означает то, что соглашение по фактическим обстоятельствам с точки зрения положений КАС РФ остается волевым действием.

Определенный вывод позволяет сделать ч.4 ст.65 КАС РФ о том, что соглашение также имеет и гносеологическую составляющую, поскольку соглашение оценивается на соответствие фактическим обстоятельствам, следовательно, в отношении соглашения по фактическим обстоятельствам законодатель придерживается двойственной концепции данного явления.

Таким образом, с одной стороны, КАС РФ указывает на то, что сторона может лишь лично давать объяснения, с другой стороны, в отношении признания факта законодатель по-прежнему напрямую не выражает свою позицию. В отношении же соглашения по фактическим обстоятельствам законодатель по-прежнему занимает двойственную позицию, обозначая, что заключение соглашений является полномочием представителя, а также указывая, что соглашение может проверять на соответствие действительности (ч.4 ст.65 КАС РФ).

Следует отметить, что КАС РФ в рамках ч.1 ст.56 КАС придерживается концепции, согласно которой предоставлять информацию может только сама

сторона, т.е. сторона является юридически незаменимой. Таким образом, законодатель в ч.1 ст.56 КАС РФ не согласился с позицией И.Р. Медведева, которая предполагает возможность представителя давать объяснения как доказательства. Однако исходя из положений КАС РФ, в частности положений ч.1 ст.56 КАС РФ неясно, считает ли законодатель признание факта тем, что должно быть также совершено лично представляемым или данное явление носит двойственную природу и может быть совершено представителем.

Положения КАС РФ прямо указывают на то, что объяснения могут давать лишь стороны, однако в отношении того, может ли представитель делать признание факта, законодатель по-прежнему умалчивает и потому не решает существующей проблемы правовой природы признания факта и возможности признания факта представителем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе была поставлена проблема того, насколько положения КАС РФ способны разрешить существующую в настоящее время неясность в понимании правовой природы признания факта. Следует ли понимать признание факта как доказательство или признание факта является волеизъявлением? Данная проблема на протяжении долгого времени отражалась в возможности представителя осуществлять признание факта.

Предметом анализа стали положения КАС РФ, которые давали повод для того, чтобы сделать вывод об определенности позиции законодателя относительно правовой природы признания факта.

В ходе настоящей работы был проанализирована историческое развитие подходов к пониманию объяснений сторон и признанию фактов, что позволило присоединиться к пониманию объяснений сторон в качестве личного доказательства.

Предметом анализа стало также понятие полномочий представителя и вывод о том, что представитель может совершать только волевые действия в силу специфики представительства.

На основании анализа ч.1 ст.56 КАС РФ мы пришли к выводу о том, что ч.1 ст.56 КАС РФ указывает на личный характер объяснений сторон и юридическую незаменимость стороны для дачи объяснений. Однако, законодатель не указывает на то, каким образом осуществляется признание факта и какова правовая природа признания факта.

Законодатель в КАС РФ сохраняет свою позицию относительно волевого характера соглашения по фактическим обстоятельствам, что следует из п.4 ч.2 ст.56 КАС РФ, а также указывает на то, соглашение сторон проверяется на соответствие фактическим обстоятельствам (ч.4 ст.65 КАС РФ). Таким образом, законодатель оставляет возможность сомневаться относительно правовой природы признания факта, а, как следствие, относительно возможности представителя осуществлять признание факта.

На основании анализа, сделанного в ходе настоящей работы, следует прийти к выводу об отсутствии необходимости внесения соответствующих изменений в ГПК РФ и АПК РФ, поскольку проблема признания факта представителем КАС РФ не разрешена.

Ввиду выше изложенного следует сделать вывод о том, что признание факта должно быть признано доказательством, явлением, имеющим гносеологическую природу, а, следовательно, может быть совершено исключительно стороной. Это объясняется тем, что признание факта есть предоставление информации о фактах. Если согласиться с тем, что признание носит волевой характер, то невозможно осуществлять оценку иных доказательств, поскольку оценка иных доказательств может приводить к опровержению признания факта, что недопустимо. Следовательно, признание факта должно носить гносеологический (доказательственный) характер.

Только сторона является первичным источником сведений о фактах, поскольку представитель узнает о данной информации только со слов представляемого. В связи с тем, что суд должен исследовать первичные доказательства, невозможно осуществление признания факта представителем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Арбитражный процессуальный кодекс [Электронный ресурс] : федер. закон от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. - № 30. – Ст. 3012. – (в ред. от 1 мая 2016 года). – СПС «Консультант Плюс».
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 05.04.2016) кодекс [Электронный ресурс] – СПС «Консультант Плюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) [Электронный ресурс] – СПС «Консультант Плюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 «О судебном решении» [Электронный ресурс: СПС Консультант Плюс]

Научная литература и материалы периодической печати

1. Медведев И.Р., Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе: Научное исследование. – СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга». 2010.
2. Заговорский А. Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных и судебных учреждениях. Одесса. , 1882.
3. Анненков К.Н. – Система русского гражданского права. Том I , Санкт-Петербург, 1889.

4. Гольмстен А.Х., Учебник русского гражданского судопроизводства, 1907.
5. Васьковский Е.В., Сборник статей по гражданскому и торговому праву памяти профессора Шершеневича /М.М. Агарков, С.А, Беляцкий, Е.В. Васьковский, М., 1915.
6. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 1917.
7. Яблочков Т.М. Субъекты судебного признания // Вестн. граждан. права, 1915. №2.
8. Яблочков Т.М. К учению о принципе диспозитивности в гражданском процессе// Памяти А.В. Завадского: Сб. статей по гражданскому и торговому праву и гражданскому процессу. Казань, 1917.
9. Гамбаров Ю.С. Гражданский процесс. Лекции. М., 1896.
10. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. 2-е изд. Т.1. СПб., 1876.
11. Яблочков Т.М. Пределы опровержимости судебного признания в гражданском процессе // Журнал Министерства Юстиции, 1916, №4
12. Курылев Избранные труды / С.В. Курылев. – Минск: Редакция журнала «Промышленно- торговое право», 2012.
13. Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук / Под ред. И.Т. Голякова. М., 1940.
14. Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951.
15. Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс : учебник для юрид. школ. М., 1952.
16. Рынцзюнский Г. Техника гражданского процесса. М., 1924.
17. Николаев С. «Признание» как судебное доказательство в гражданском процессе /ЕСЮ. 1929. №36.
18. Ратнер М. Значение признания в гражданском процессе // ЕСЮ. 1929. №40.
19. Краснокутский В.А. Очерки гражданского процессуального права: опыт систематизации законодательства РСФСР и СССР по судоустройству и гражданскому судопроизводству. Кинешма, 1924.
20. Поволоцкий Л.И. Основные положения советского гражданского процесса в практике Верховного суда СССР периода Отечественной войны (1942-44) // СГиП. 1947. №7.

21. Зейдер Н.Б. Юридическая природа признания в советском гражданском процессе // Вестн. сов. юстиции, 1926. № 11.
22. Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950.
23. Гражданский процесс : учебник для юрид. вузов / Под ред. С.Н. Абрамова. М., 1948.
24. Егоров Л. Признание как судебное доказательств гражданско процессе // ЕСЮ. 1929 №13.
25. Ельевич М. К разработке ГПК СССР // СЮ. 1939 №23-24.
26. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.
27. Треушников М.К. Судебные доказательства. 4-е изд., перераб. И доп. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец»», 2005.
28. Клейнман А.Ф., Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. Издательство Академии Наук СССР, М. 1950.
29. Юдельсон К.С. Судебные доказательства в гражданском процессе. - М., 1956г.
30. Полумордвинов Д.И. Признание стороны в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1940.
31. Пучинский В.К. Судебное признание в советском гражданском процессе // СГиП, 1954. №1.
32. Гражданский процесс: Учебник/ отв. ред. Н.А. Чечина, Д.М. Чечот. М., 1968.
33. Гражданский процесс России: Учебник/ Под ред. М.А. Викут. 2-е изд. М., 2006
34. Ильинская И.М., Лесницкая Л.Ф. Судебное представительство в гражданском процессе. – М.: Юрид лит., 1964.
35. В.В. Ярков. Гражданский процесс: учебник для вузов. Издательство Волтерс Клувер, 2006.
36. Гражданский процесс: Учебник. 2-е изд., перераб. И доп. / под ред. М.К. Треушникова. М.: ОАО «Издательский дом «Городец»», 2007.
37. Табак И.А. Новые положения судебного представительства в гражданском судопроизводстве. Саратов. 2011.
38. Сидоров Р.А. Представительство в гражданском процессе: Автореф. Дис. ...канд. Юрид. Наук. Тверь, 2003. – 28 с.
39. Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967.

40. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940.
41. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву В 2 т. Т.2. Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. – М.: Статут, 2012.
42. Крашенинников Е.А., Ю.В. Байгушина. Элементы понятия представительства. [Электронный ресурс: <http://www.szrf.ru/doc.phtml?nb=edition07&issid=2012003000&docid=3>]
43. Е.Л. Невзгодина Представительство по советскому гражданскому праву. Томск., 1980.
44. Орешин Е.И. Представительство по советскому гражданскому праву. Томск., 1980.
45. Рясенцев В.А. Понятие и юридическая природа полномочия представителя в гражданском праве // Методические материалы ВЮЗИ. М., 1948. Вып. 2.